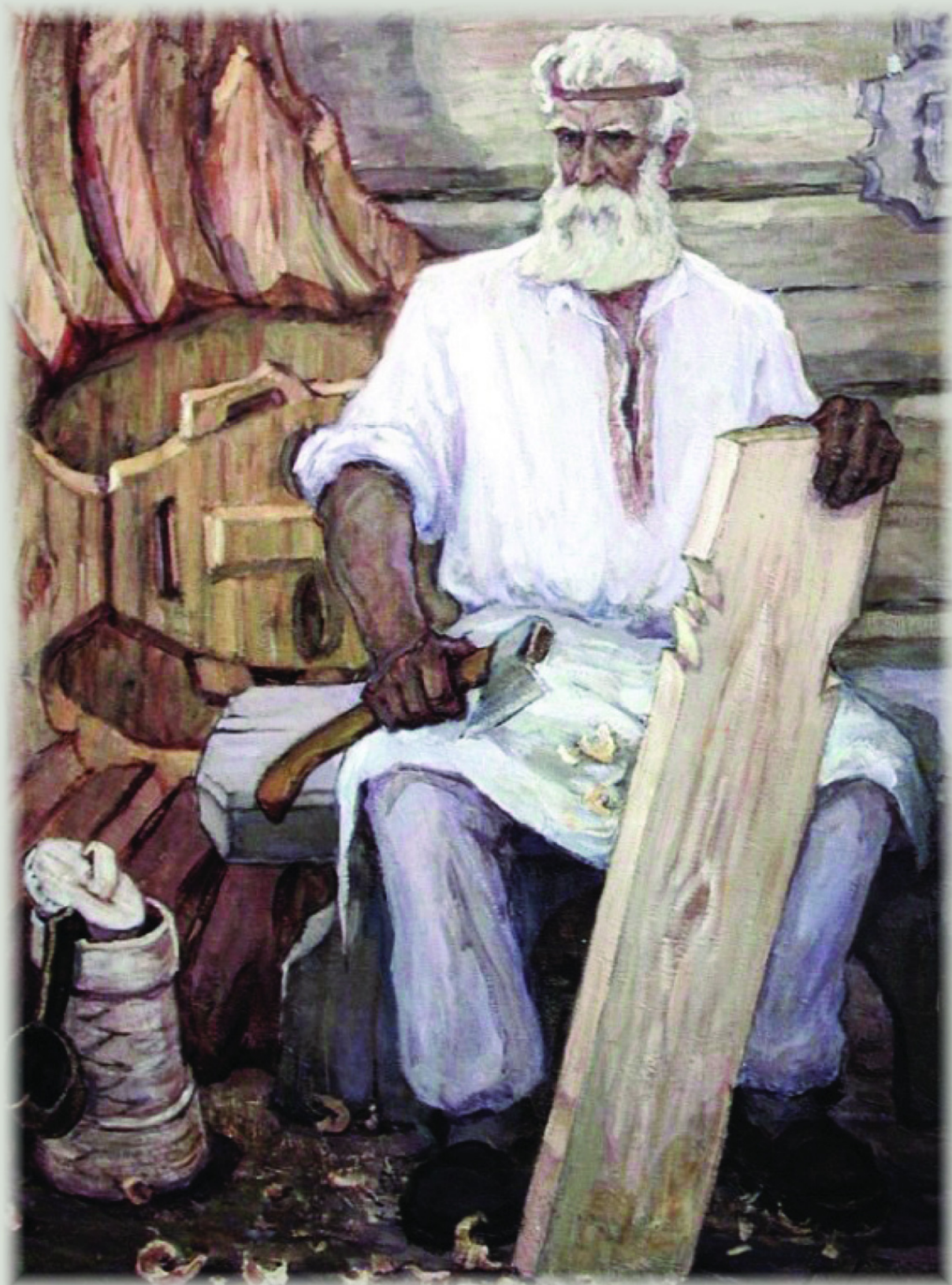


А. А. ИЗБЕКОВА



АГАФОНЫ-РЯБИНИКИ

Августа Избекова
Агафоны-рябинники

«Издательство «Перо»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Избекова А. А.

Агафоны-рябинники / А. А. Избекова — «Издательство «Перо»,
2020

ISBN 978-5-00171-215-2

Повесть «Агафоны-рябинники» отображает много интересного и познавательного о прошедших временах, через истории людей из Матвеевской волости Кологривского уезда, ныне Парфеньевского района Костромской области. Жизнь и уклад населения подробно и красочно описан на примере разных поколений из одной семьи в течение нескольких веков. Главный герой книги – Анфим Житов рассказывает о своём детстве, отрочестве, юности и взрослой жизни сопоставляя разные вехи во времени и исторические события, происходящие в России. Книга будет интересна тем, кто хочет узнать и связать свою историю с историей своих предков.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00171-215-2

© Избекова А. А., 2020

© «Издательство «Перо», 2020

Содержание

Обращение к читателю	6
Пролог	8
Глава 1. Родословная Анфима Житова	18
Глава 2. Детство и юность Анфима Житова	32
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Августа Избекова

Агафоны-рябинники

«Рукописи не горят¹

«Что написано пером, того не вырубишь топором»

© Избекова А. А., 2020

издается на правах рукописи от автора Избековой Августы Алексеевны

Обращение к читателю



Дорогой читатель, в твоих руках повесть «Агафоны-рябинники» – Избековой Августы Алексеевны (1910–1992 гг). Урожденной Зверевой из деревни Ивановское, Горелецкого сельсовета, педагога по образованию, в годы Великой Отечественной войны работавшей директором Матвеевской средней школы. После войны, жила и работала в Центральной Сибири, похоронена в городе Иркутск.

В августе 1980-го года рукопись этой повести была прислана автором по почте в адрес Матвеевской сельской библиотеки в качестве подарка землякам с заветом хранить её как реликвию. В период с 1977–1981 г. повесть частями публиковалась в газете «Красное знамя» Парфеньевского района, Костромской области, но мечте Избековой А. А. – издать отдельную книгу с повестью полностью, несмотря на неоднократные попытки, не суждено было осуществиться при её жизни.

Более сорока лет рукопись была бережно сохраняема библиотекой, но оставалась практически недоступной широкому кругу читателей. Символично то, что именно в год 400-летия

образования села Матвеево и деревни Григорово, повесть вышла в свет, сбылась мечта автора об издании книги для своих земляков.

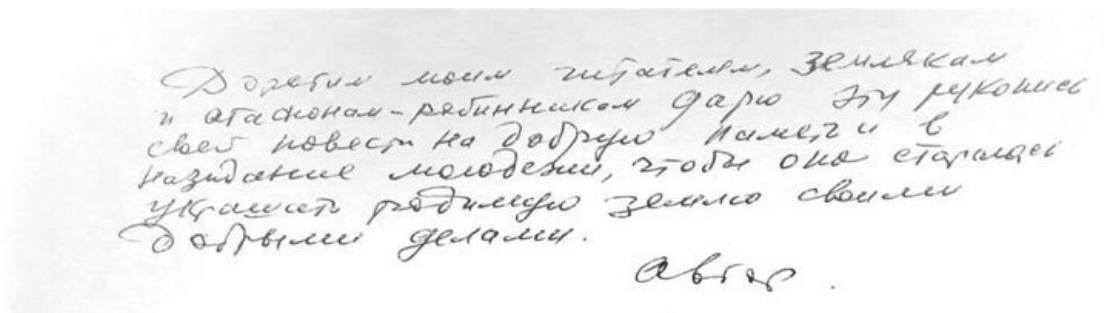
Кто прочтет эту книгу, найдёт для себя много интересного и познавательного о прошедших временах, через историю жизни людей из нашей местности, возможно – свою историческую родословную. Как говорят, обретая свои корни, крепче стоишь на земле. Да, мы все разные в своих взглядах на прошлое, настоящее и будущее. Непреложно одно – мы являемся гражданами государства Российского. Многих из нас связывают общие корни по рождению или проживанию с Матвеевским сельским поселением Парфеньевского района.

Костромская земля испокон веков питала страну полководцами и писателями, учёными и этнографами, драматургами и поэтами, хлебопашцами и колхозными умельцами, героями войны и труда. Наши агафоны-отходники прославляли её делами плотницкими: строили корабли, возводили терема и дворцы, украшали дивной резьбой фасады домов и иконостасы церквей.

Ежели Тульский Левша блоху подковал, то наш Агафон работал рядом с самим Петром Великим на судоверфи, да и среди современников, есть последователи агафонских мастеровых топора, которые могут поставить дом, «срубить» геральдический герб или книгу из дерева – это ли не вершина мастерства, которой можно и нужно гордиться!

Край наш агафонский – Малая Родина, есть часть государства Российского. Будем помнить и чтить прошлое, жить настоящим, глядеть с оптимизмом в перспективу. Прививать всё это детям и внукам, чтобы они продолжали дальше украшать родную землю своими добрыми делами.

*С уважением, житель села Матвеево
Федирко Валерий Васильевич*



Пролог

«Велико есть дело смертными и преходящими трудами дать бессмертие множеству народа, соблюсти похвальных дел должную славу и, перенося минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долгою времени разделила.»

М. В. Ломоносов

В детстве мне хотелось поскорей стать взрослым, повидать города, о которых мне рассказывал мой дед Панкрат. В молодости он плотничал там, ходил по многолюдным улицам, на которых вечерами зажигались фонари. На мои вопросы: «Как? Почему? Зачем?» – старшие в семье часто отвечали: «Подожди, Анфимка! Вот вырастешь, узнаешь!» – Я огорчился, терпел, ждал. И только десятилетнему – мне, наконец, разрешили родители поехать однажды с дедом на городской воскресный базар. От радости я проскакал по избе на одной ножке, кувыркнулся разок и лобызнул в щеку деда, сидевшего на лавке.

Чтобы попасть на городской базар утром, надо было двинуться в путь с полночи и мы выехали. Сквозь разорванные облака изредка проглядывала луна, и скупое серебрила снежок бледными искрами. Конь наш – Пеганка, нехотя зашагал по наезженной дороге, а меня одолевал сон. На перекатах сани часто съезжали к обочине. Опасаясь потерять внука, дед привязал меня кушаком к саням и я крепко уснул, а когда проснулся, мы уже въезжали на окраину Чухломы.



Древний городок встречал нас густым колокольным звоном местного собора, которому вторили колокола церковью Абрамьева монастыря.²

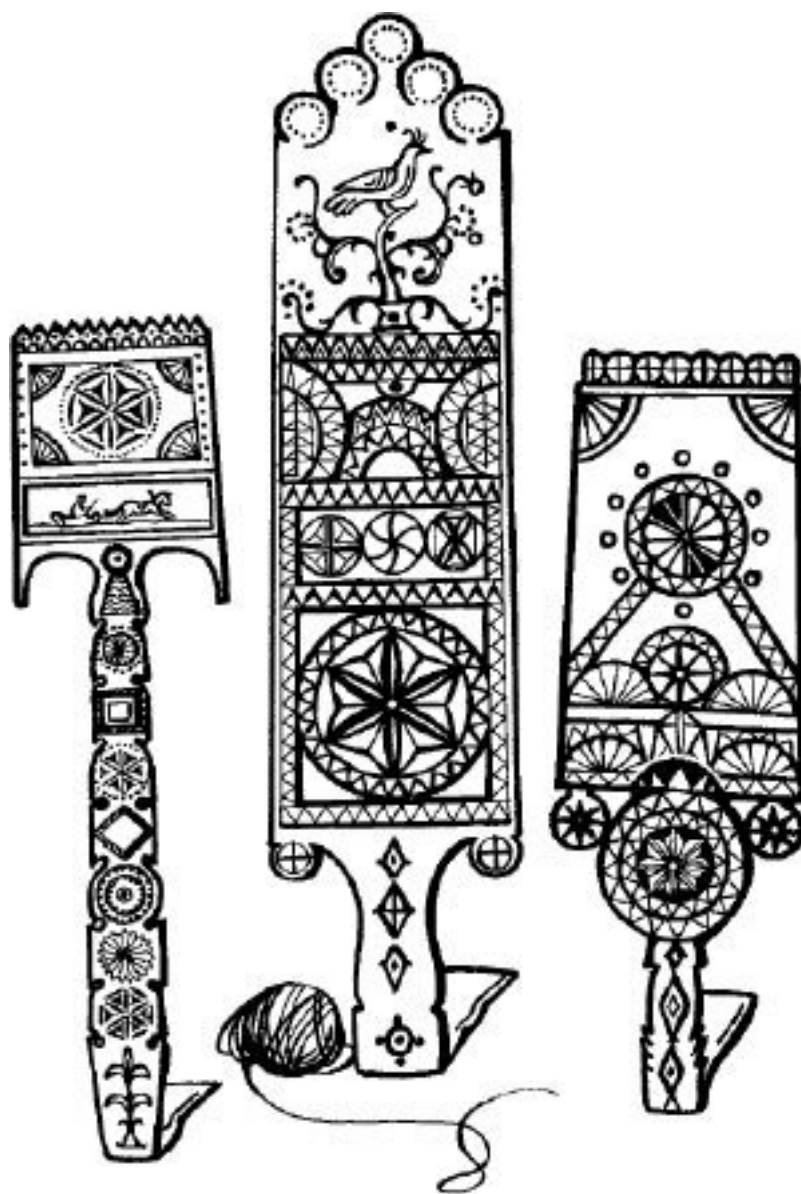
² Авторское название Свято-Покровского Авраамиево-Городецкого монастыря.

Позавтракав в знакомом деду домике, мы выехали на торговую площадь, казавшуюся мне огромной, собравшей людей и крестьянские подводы со всего света. И чего только здесь не было! Бочки выпячивали свои крутые бока, корыта, хомуты, дуги, горшки, плоски и всякая другая утварь громоздилась кучами на санях и у саней.

Прибывшие сюда сбыть свой товар, зазывали покупателей веселыми прибаутками: «А вот сапоги! Надень и беги! Купишь – не износишь – бог тому порука! Останутся детям и внукам!» – кричали в сапожном ряду. Горшечники зывали: «Купите горшок! Сам прыгнет на шесток! Крепкий! Звонкий! Щи варит с печенкой!». Игрушечники завлекали так: «А вот матрешки – павы, детишкам для забавы! Нос утрут, скучать не дадут!» Галантерейщики вопили: «Ленты, ленты всяких цветов, привораживать девкам женихов!».

К привезенным моим дедом изящным прялкам, сразу же подошли покупательницы, смотрели, приценивались, торговались, покупали.

Распродав к полудню свой товар, дед успел приобрести необходимые покупки, а мне глиняную свистульку и пряник. Мы пообедали в трактире и двинулись домой. Впереди нас ехали двое наших земляков – попутчиков, и Пеганка охотно бежал домой, не отставая от них.



В поле начиналась поэмка. Ветер дул в лицо, и мороз начал щипать мой нос.

Только лесной дорогой стало тише и теплее. Довольный базаром, дед подшучивал надо мной, бодрился, несмотря на то, что доживал уже восьмой десяток лет.

Время побелило ему голову и бороду, лицо избороздило морщинами, но не украло памяти. Говорят, душа у человека не стареет до его дней, если он помнит мир своего детства и прошлое родного края. А дед повидал на своем веку и запомнил многое.

О чем только не рассказывал он мне про былые времена! Вот и в этот раз он говорил от том, что каждый уголок родной земли таит в себе неисчерпаемые клады народного умельства, высоких помыслов и подвигов. Пахари нашей верхневолжской земли, например, издревле кормят всю Северную Русь своим хлебом, одевают в добротные полотна, краше «аглицких». Костромичи прославились своими сооружениями. «Помни, Фимка! – сказал дед, – среди этих-то искусников, плотники и краснодеревцы нашей Матвеевской волости занимают первое место. Их приглашали строить самые изысканные терема³ и палаты в столицах.



Это они соорудили на Всемирной выставке в Париже 1878 года Русский павильон⁴, изумивший всех своим благолепием. Нашим безымянным умельцам нет памятников. Но слава их живет и передается потомкам».

– А Париж этот далеко? – спросил я деда.

– Далекo. Это столица западного государства – Франции.

Видя, что дед мой разговорился, я любопытствовал:

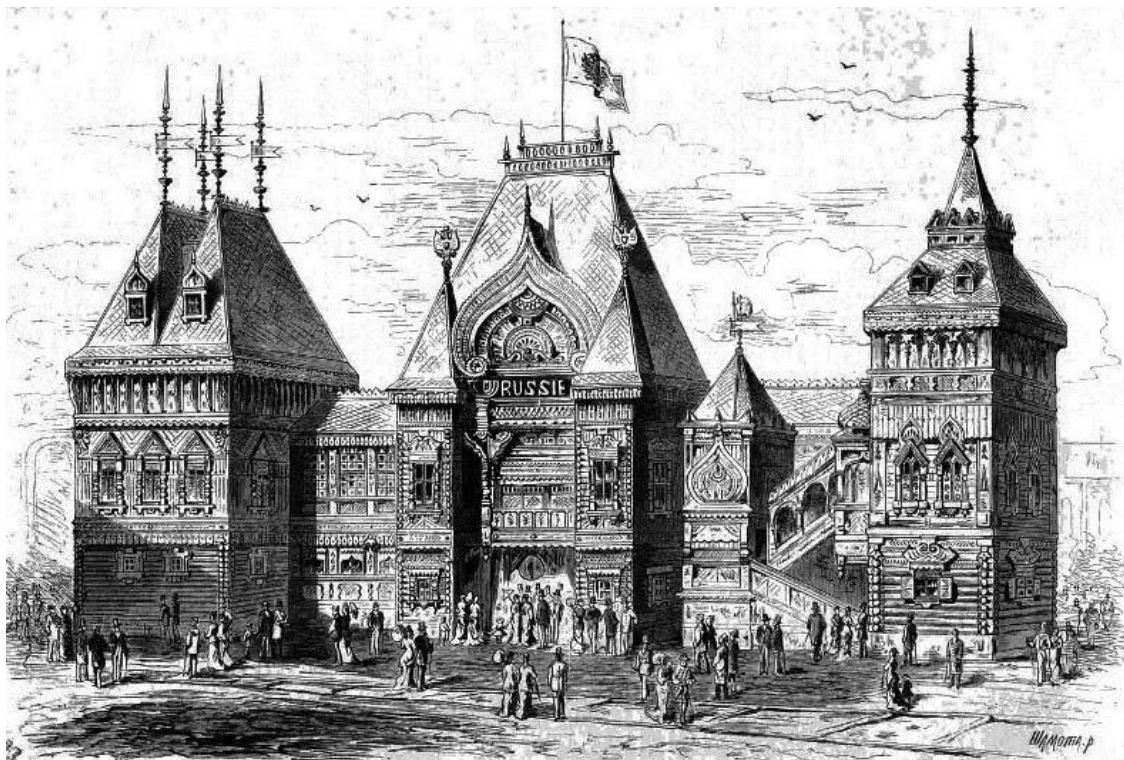
– Деда! А почему чухломичи на базаре обзывали тебя и наших попутчиков, что едут впереди нас «агафонами-рябинниками»?

– Почему, спрашиваешь? То длинная история о давних годах, когда прославился наш с тобой предок Агафон, прозванный «медвежатником», за то, что один ходил на медведя и промашки не знал. Ростом он был чуток поменьше нашей Троицкой колокольни. В молодости

³ Терем Асташово, Чухломкой район, Костромской области, фото начала XX века

⁴ Всемирная выставка в Париже в 1878 году, Фасад здания Русского отдела

корпел Агафон на корабельных верфях Лодейного поля и одно время был даже напарником самого царя Петра, не уступая ему не в сноровке, не в силе. Чуешь о каком времени я говорю.



– Чую, – ответил я и затаив дыхание, приготовился слушать.

– Так вот, однажды на эти верфи прибыл из столицы молодой гонец по срочному делу. Не знавший царя – плотника в лицо, но наслышанный о его громадном росте, гонец увидел на верфи Агафона. Приняв его за царя, приезжий с поклоном протянул Агафону секретный пакет.



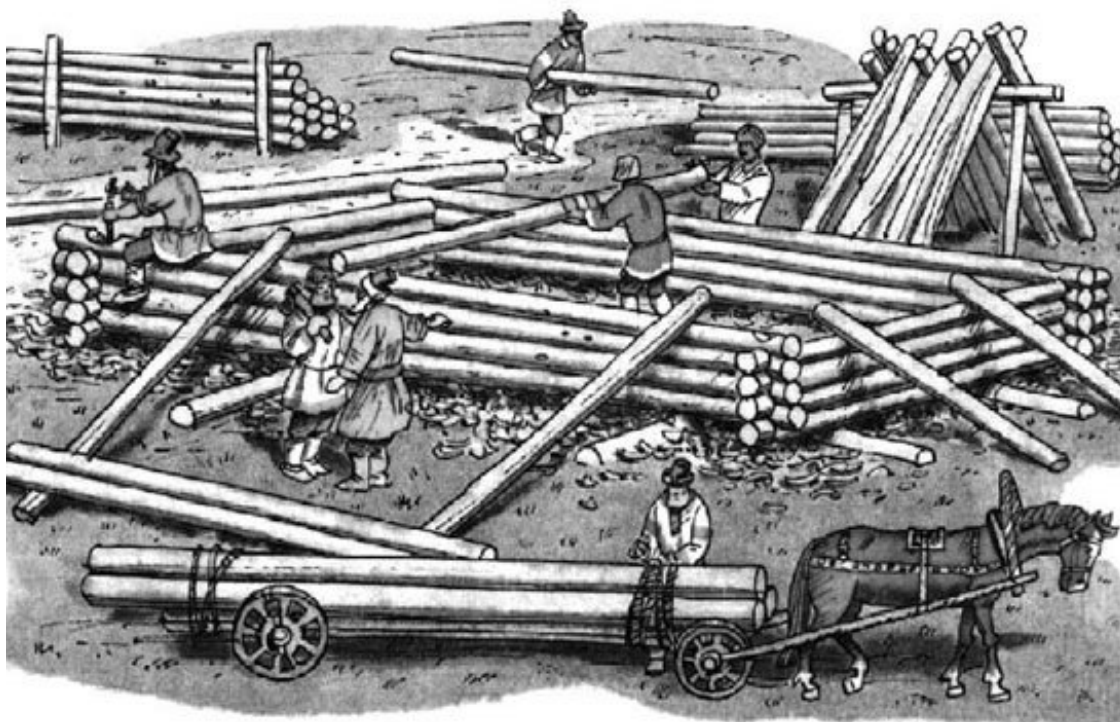
Великан – плотник, быстро смекнув в чем дело и махнул гонцу рукой в сторону, где трудился царь. А вечером, после работы плотники балагурили, допытываясь у Агафона, как

он принимал царского «кульера». Агафон в это время сидел на бревне и лениво оборонялся от насмешек товарищей. Сообразительный это был человек, золотые руки и ума палата.

Эти же руки в лихую годину обороняли Русь от шведов. Односельчане уважали Агафона за силу, сноровку и смекалку. Его богатырский рост, черные волосы, окладистая борода и пристальный взгляд карих глаз, смело смотревших из-под густых черных бровей, внушали встречным почтение и тревогу. Сказывали будто сам леший, увидев однажды Агафона в сосновом бору, оцепенел и со страху чуть не перекрестился.

Старики наши считали, что прозвище «агафоны-рябинники», прилепившиеся к жителям нашей волости, связано с именем нашего Агафона.

– Как же это так? – удивился я.



– А вот так, – продолжал рассказчик. – Случилось это в петровское время. Когда Матвеевской волостью владели именитые князья Репнины – самые богатые владельцы земли ещё и на Орловщине, да в Подмосковье⁵. Они были воеводами, советниками царей, послами в заморских странах, знатные были люди.

Один из рода Репниных – Аникита Репнин – любитель орловских рысаков, задумал в своем Богородском имении, что на орловщине, построить конюшню. Наслышанный о мастерстве матвеевских плотников, он приказал управляющему своему прислать в Богородское лучших. Вот и собралась дюжина умельцев от нас – из Горельца, Матвеева и других деревень. Старшим артели стал Агафон «медвежатник» – наш с тобой предок. За чернявость плотники его ещё прозывали и «цыганом».

Тут дед задумался. Видимо весь ушел в прошлое. А потом заговорил, да как! Будто передо мной и не дед вовсе, а тот самый Агафон, среди своих артельщиков, собравшихся в нашей избе. Я пишу об этой истории спустя много лет, может быть дедовский рассказ чуть подзабылся, но имена и прозвища я запомнил, как и всю историю про «агафонов-рябинников».

⁵ До 1625 года Матвеевской волостью владел воевода Сабуров. После смерти его, волость отошла к Репниным, владевшим ею до 1851 года – до перехода её в казну за долги обедневших потомков Репниных. прим. Избековой А. А.

Жалею только о том, что едва ли смогу передать дедовский колоритный язык... Ну словом, расскажу, как запомнил. Перед дорогой в Богородское, Агафон обратился с такими словами:

– Ребята! Покажем нашему именитому барину, что мы не лыком шиты!

– Знамо дело, уноровим, не впервой, – откликнулись артельщики.

Но Кузьма Шипунов не утерпел и вставил шпильку: «Не хвались до пляски, хвались на выпляске!» Приятель Кузьмы – Фома Петухов полушутя стукнул кулаком по спине, прошептал: «Не перечь, заноза! Дело говорят люди!»

И Кузьма примолк, прошептал: «Да это я так. Я буду стараться, как и все».

Краснодеревец Евстигней Куликов, добавил к словам Агафона:

– Мужики! Исстари мы – малоземельцы, уходим с Великого поста и до Покрова плотничать в города. Кого каждогодна приглашают сооружать павильоны Всероссийской ярмарки?! – матвеевских плотников.

Кого в первую очередь призывал царь Петр палаты и корабли строить? – опять ж мужиков нашей волости! Так не уроним былую славу наших отцов и дедов!

– Не уроним! – прогудела артель и зашагала на Орловщину долгим, утомительным пешим походом.

Прибыв на берега Десны в Богородскую вотчину Репниных, наши трудяги не могли надивиться красоте и обширности лесов, полей барских владений. «Экое приволье! Барину-то и умирать не надо! Здесь краше рая!» – воскликнул Кузьма Шипунов, выразив тем самым общее восхищение.

Плотники не теряли даром времени. Передохнув с дороги, они вскоре же застучали топорами, ошкуривали бревна, стали готовить фундамент конюшни.



Как в слаженном хоре, каждый артельщик имел свой «голос» – свою особую сноровку, присущую лишь ему одному.

Неторопливый и осмотрительный здоровяк Степан Оглобин обладал острым и метким глазом, безошибочно определял соразмерность возводимого строения и его частей. Производя расчеты, он прищуривал правый глаз, отчего его обветренное и морщинистое лицо принимало хитровато-таинственное выражение. Без Степанова расчета плотники не приступали к работе.

Острый на слова, как ёж, Рябой Лука с завидной аккуратностью отделявал здание. Обыкновенные – брус или теснина в руках Луки как бы оживали, потом занимали свое место, придавая изящность строению.

Тонкие деревянные узоры с блеском выпиливал бравый красавец Андрей Веденеев, восхищая товарищей талантом и выдумкой. «Ребята! А ведь Андрюха-то наш кудесник! – сказал, как-то Евстигней Куликов. – Гляньте-ко! Сам Бог позавидует его поделкам!» – «Скажешь тоже, – бубнил Андрюха. – До Бога мне далеко. Я такой же грешник, как и ты!»

Петруху Мотовилина прозвали Добрыней. При накатке бревен этот рыжий силач был незаменим. «Раз – два... взяли! Ещё взяли-и-и!» – командовал Петруха и бревно плотно ложилось в сруб. Скромный Петруха никогда не похвалялся своей силой. В праздники он иногда соглашался потягаться на веревке и нередко перетягивал четверых товарищей.

Тихий и незаметный Влас Косоротый ни минуты не мог сидеть без дела и даже во сне, говорили, лапти сплел. Ну, а без Фомы Петухова артельщики и дня не могли прожить. Острые и веселые байки Фомы, как банный пар снимали усталость с плеч. Остальные артельщики тоже имели немалые достоинства.

Среди таких-то признанных умельцев затесался семнадцатилетний паренек – Ванька Чих. Он ещё многого не знал. Но, как говорят, «не тот глуп, кто не знает, а тот, кто знать не хочет». Ванька хотел знать много! И много смотрел на мир, как на неразгаданную тайну. Постигнув грамоту от сельского дьячка, наблюдательный паренек быстро перенимал умение старших, удивляя их подчас догадками, облегчавшими тяжелый труд. Степан Оглобин часто советовался с Ванькой при расчетах соразмерности строения.

Дружно и спорно сооружалась конюшня барская с колоннами, вытяжными трубами и желобами. Артельщики устраивали всем требованиям управляющего и барина. Сверх того, на фронтоне, под аркой главного входа в манеж, они вырезали горельеф – двух деревянных всадников, летящих навстречу друг другу, как исторические герои Куликова поля – Пересвет и Челобей, чтобы сразиться в смертной схватке.

Оставалось доделать сущие пустяки. Вот тут-то и попутал наших умельцев нечистый дух. Нет, не по плотницкому делу, в котором, как говорится, они собаку съели. Обмишурились наши старатели совсем по другой статье. А всему виной оказался Ванька Чиж. Не будь его в артели, не случилась бы та история, прогремевшая потом на всю округу.

Дело случилось субботним вечером, когда наши усталые работнички убанились, поужинали и отдыхали в сенном сарае. В это сумеречное время Ванька Чиж и осмелился заглянуть в барскую теплицу. Днем он заметил в ней сквозь стекло диковинные гроздья крупных зеленых ягод, на вьющихся, вроде хмеля высоких стеблях с листьями.

«Рябина!» – подумал Ванька. Попробовал: «Сладкая, стерва!»

Насытившись вволю (благо садовник отлучился в село), Ванька прихватил и товарищам полную шапку ягод. Все плотники (за исключением Рябого Луки, ушедшего к знакомым в село) лакомились «зеленой рябиной», похваливая Ваньку: «Ай, да Чиж! Вот это застрогал! Сладсть!»

Через день барский садовник обнаружил пропажу ягод, которые берегли к именинам княгини.

«Вот напасть-то на мою голову! – сокрушался садовник, – не уберег ягоды!»

Репнины были культурными помещиками. Они не тиранили своих крепостных, облагая их небольшим оброком. Но садовник знал, что барин, хотя и справедлив, а во гневе себя не

помнил. Однажды за оплошность с конями, барин жажнул по голове конюха Никитку квасным ковшом. Ковш-то остался цел, а Никитка с той поры «чокнутым» стал и без нужды оскался.

Не миновать бы нашим артельщикам наказания, да спасло их высокое плотницкое мастерство, мужицкая смекалка и чувство товарищества – стоять все за одного, один – за всех.

Рано утром в сарай, где просыпались ото сна плотники, прибежал дворовый сторож и сказал, что сегодня их ожидает барский суд.

Плотники приуныли. Даже Фома Петухов не отважился в такой момент развеселить своих товарищей по несчастью. Он вспомнил, как дня четыре назад князь приходил со своим другом – Прокопием Куницей, посмотреть конюшню.

В добротной свитке и шароварах, «шириною с Черное море», с огромными рыжими усищами, Куница напоминал Тараса Бульбу. Он громко восторгался произведением матвеевских строителей:

– Якую гарну хату коням сробили твои хлопци! Як римский Коллизей!

– Да! – сказал князь, – плотники мои мастера первого класса. Придется наградить их за усердие и умение.

«А теперь, нате-ко, барский суд! – размышлял Фома. – Вот какая «награда» за работу. Вместо «награды», да дороги на родимую сторонку, не загреметь бы в Сибирь». От этих горьких дум больно сжималось сердце многодетного Фомы.

– Ах Ванька, Ванька! Что наделала твоя любознательность! – вмешался Лука. Он только, что вернулся из гостей.

– И дернула же вас нечистая сила слопать эту барскую ягоду. Тьфу!

– А все Ванька. Ни дна бы ему, ни покрывки, – отозвался Добрыня.

– Охота, вишь ему припала до рябины, а теперь во расхлебывайся, – отозвался Кузьма Шипунов.

– Обнудать бы чуток Ваньку-то, развожжался, охломон, – подал робкий голос Влас Косоротый.

Но смышленный Ванька за словом в карман не полез. Он резонно заявил, что «рябину зеленую» ели все и ещё хвалили его за находку, а теперь вот винят его одного.

– И то правда, – вздыхали мужики.

– А ну, хватит юзжать! Снявши голову, по волосам не плачут! – сказал старшой Артели Агафон, считавшийся «дотошным в деле» и хитрющим мужиком.

– Слышал я, – сказал Агафон, – что наш сановитый барин любит все чудное, прямоту и бесстрашие. Он никогда в нашей волости не бывал. Там правит его управляющий. Нас с вами князь никого не знает по имени. Давайте уговоримся: никого не выдавать, не запираяться, отвечать всем одно и то же. Я, как старшой, буду отвечать первым. Остальным на допросе говорить тоже самое, что я скажу.



Плотники охотно согласились с предложением Агафона, а растроганный Влас вымолвил: «Агафоша! У тебя ума палата!»

Наступил грозный час барского суда. Виновников вызвали на допрос по одиночке. Первым, как положено, пошел старшой артели, прикинувшийся придурковатым. – Как звать тебя? – спросил барин, без опаски взглянув на вошедшего чернявого великана.

– Агафоном, батюшка, Агафоном, – смиренно отвечал тот.

– Что ел Агафон из барской теплицы?

– Рябину, барин, сладкую рябину, – признался Агафон, понимая, что запирательство только повредит делу.

– Чертова дерюга! – не выдержал князь, – это не рябина, а виноград! Знаешь ли ты, дурья голова, сколько лет надо выращивать на нашей земле столь теплолюбивое растение?! – с этими словами барин встал из-за стола и нервно заходил по кабинету.

Агафон же, прикинувшись испуганным, запричитал:

– Барин, батюшка! Смилуйся! Не погуби! Детишние мы все. По глупости своей не знали мы, что это ягода, как её... виноград, думали рябина, ну и, – тут Агафон запнулся и уже тихо добавил, – попробовали.

– По-про-бо-вали! – передразнил барин. – А брать чужое без спроса, как это называется?!

Агафон дипломатично промолчал. А князь, пробежав ещё раз по кабинету, выкрикнул:

– Пошел вон, образина адова!

Следующим на допросе оказался Ванька Чиж, повторивший кратко ответ Агафона. Вызванные за ним два других плотника, к удивлению барина, тоже ответили, что зовут их Агафонами и что по нечаянности съели они барскую сладкую рябину. Из этих ответов князь понял, что «преступление» совершено не по злому умыслу, а ради деревенского любопытства.

Учитывая построенную плотниками великолепную конюшню, которой не восхищался только слепой, князь не стал допрашивать остальных. Он вышел на балкон и обратился к провинившимся, стоявшим внизу на улице:

– Эй вы, Агафоны-Рябинники! Искусные плотники! Убирайтесь отсюда, чтобы духу здесь вашего больше не было! Слышите!

– Слышим, барин, слышим! – хором ответили мастера.

Закинув котомки за плечи, заткнув топоры за пояса и радуясь, что так дешево отделались, наши умельцы отбыли восвояси.

Весть о съеденном барском винограде, как колокольный звон разнеслась на всю округу. Вот с тех-то пор и пристало, как банный лист, к жителям нашей волости и её окрестных деревень прозвище «агафоны-рябинники», перешедшее на все последующие поколения.

А когда поздно вечером мы приехали домой и легли спать, перед моим взором опять ожили «агафоны» – умельцы, с содеянным их золотыми руками дворцом-конюшней для барских рысаков. И я решил: «Вот вырасту и обязательно построю такой дворец, что все ахнут!» С этим желанием я и заснул.

Будучи уже взрослым, когда деда Панкрата не стало, я понял, что предание об «агафонах», основанное на реальном факте, – наглядное свидетельство тому, что прозвище «агафоны» не унижительно, как считали некоторые мои земляки, а наоборот. Оно говорит об удивительном мастерстве костромских мужиков, о крестьянской смекалке, о неистребимом чувстве русского товарищества – главных национальных чертах моего народа.

Свое дальнейшее повествование я и посвящаю потомкам этих «агафонов» – неизвестным умельцам, противоборцам со злом, которые своим трудом продолжали умножать славу предков, став как бы мостом «в разрыве времен», соединившем конец XIX – начало XX столетия с нашим временем!

Глава 1. Родословная Анфима Житова

*«...Былое от меня неотделимо,
– Я от него, как дерево расту...»*

Лев Пагирев

Дедово сказание об «агафонах-рябинниках» возбудило во мне интерес не только к моим предкам, а и к жителям всей округи. Я гордился, что «корнем» нашего рода был Агафон-«медвежатник», испугавший своим богатырским видом даже лешего, был напарником самого царя плотника в корабельном деле.

Позднее, со своим товарищами Агафон построил изумивший всех лошадиный дворец, и своей придумкой спас товарищей от барского наказания, оставив своим землякам на вечные времена прозвище «агафоны-рябинники».

Узнал я так же, как от этого «корня, выросло житовское родословное дерево и как жили мои земляки, сумевшие влить новую струю в реку народного умельства. Детский ум мой вбирал в себя, как губка воду, все новые и новые сведения о моих предках и их соседях.

Когда позднее, согласно указу царя Петра, велено было «не писатца срамными кличками», вроде: «Агашка-кулында», «Микешка-Хрипун», «Епишка-Ропля», а «писатца» благозвучными именами, мои предки записались потом самой хлебной фамилией – Житовыми. Но в деревне их по-прежнему звали по-агафону – «Медведями».



Дед же сообщил мне, что у Агафона был сын – Дорофей – добрейший души человек, оставшийся в людской памяти ещё и как основатель нашей деревни. Он первый выселился из тесного села Троицкого⁶.

Два сына Дорофея тоже прожили не зря.

⁶ Авторское название села Троицкого соответствует селу Горелец. Свое название село Горелец получило после лесного пожара, случившегося здесь. Оставшаяся на гари зола удобрила землю, и жители соседних деревень Панино и Меледино распахали гарь, засеяли ее рожью и построили здесь дома, назвав починок Гари (Горелец). Починок известен с 1728 г. и основан на земле Матвеевской вотчины, которая принадлежала князьям Репниным. Горелец особенно бурно рос в XIX веке, и этому способствовал проходивший через него торговый тракт из Казани через Унжу, Парфеньев, Судай, Солигалич и далее к пристаням на реке Сухоне, по которой грузы сплавлялись водой в Архангельск. На обратном пути подводки по тракту везли соль из Тотьмы и известь из-под Солигалича. Потребность в извести была большая, так как она шла на строительство каменных церквей. Троицкая церковь с. Горельца построена в 1864 г. сначала деревянная; затем в 1881 г. освящена и каменная. *Источник информации: Баженов И. В. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Кострома, 1911. Стр.344*

Старший – Игнатий умел делать восхитительные прялки. На одной он изобразил великого князя Московского – Дмитрия в поход против полчищ Мамаю. Прялка эта могла бы стать блестящим экспонатом столичного музея. Но увы!.. Творения многих крестьянских талантов не выходили за пределы своей волости или уезда. Младшему брату Игнатия – Ефрему выпал солдатский жребий. Как отменный пушкарь, в Бородинской битве со своим напарником уничтожил до сотни неприятелей, но и сам пал смертью героя. Моя тётя Доня заказывала в церкви поминание о славном воине Ефреме, поясняя мне, что «человек живет век, а добрые его дела два века живут».

Сын Игнатия – Панкрат – мой дед, воспринял от отца искусство изготовления прялок, любил хлебопашество и садоводство. Он первым в деревне посадил в своем уезде сад. По примеру деда, жители Выселок⁷, тоже стали у себя заводить сады. Деревня зазеленела и заблагоухала. Панкрата на деревне звали уже не медвежатником, а Медведем, как и моего отца.

Но как в лесу есть кривые деревья, так и в роду Житовых случились отклонения. Единственный сын деда Панкрата – Афанасий – мой отец, не унаследовал многих добродетелей своих предков, хотя и не избегал крестьянского труда. В молодости, как я слышал, он выглядел не хуже своих сверстников: среднего роста, с крупными правильными чертами лица, карими глазами и каштановой шевелюрой. Однако, девушки не заглядывались на этого угрюмого и нелюдимого парня.

По душе ему было изречение скупой его бабки Степаниды: «Деньги – всему голова». Накопительство – стало главной линией жизни этого человека, ставшего в семье самостоятельным хозяином.

Несмотря на то, что Житовы имели четырех коров, семья большую часть года питалась тюрей и похлебкой, да кашей. Молоко и мясо на столе появлялось только в праздники. Все остальное, хозяин увозил на базар, а деньги прятал в кубышку. Однажды, мать испекла к вечернему чаю в воскресенье морковный пирог. Не ожидая такого «расточительства», Афанасий побагровел от гнева и даже лишился голоса, зашипев на жену: «Шайтанка-дура! Мотовка!» – с этими словами он схватил со стола пирог и бросил им в Аграфену, запретив ей впредь не «разорять» семью пирогами. Сыновья и снохи втихомолку роптали на скудность пищи. Только незамужняя сестра Афанасия – Домна отважилась укорять брата: «И куды копишь-то, аспид! Добро бы на пользу. А то ведь себе во всем отказываем. Внуков морим, оставляя шестерым малышам только одну крынку молока на целый день! Опомнись!»

Не подозревая, что своим скопидомством он обворовывал физическое и нравственное здоровье семьи и свою душу, Афанасий отмалчивался от Домны, а про себя думал: «Уступлю один раз, разрешу семье в будни есть молоко и мясо, тогда вконец разоришься. Нечего будет везти на базар. Не уступлю.»

Одеждой Афанасия круглый год были старые холщевые штаны и рубаха, заплатанный армяк и лапти, да потертый малахай берендеевых времен. При встрече с богатеями он подобострастно снимал шапку, кланялся. На деревенской сходке молча прислушивался к их голосу. У себя же дома он чувствовал себя царем, перед которым трепетали домочадцы.

Скарденность Афанасия удивляла даже тех жителей, которые считали скупость доблестью, а деньги – мерилom человеческого счастья. Чаепитие отец разрешал только в праздники. Садясь у самовара, он брал кусок сахара и раскалывал его на мелкие кусочки, оделял всех, похваливая внуков, оставивших из крохотного кусочка сахара на следующее чаепитие.

Уезжая на мельницу или на базар, на богомолье, Афанасий запирали в шкаф чай, сахар, самовар и деньги, а самоварный кран брал с собой и однажды в церкви сильно сконфузился.

⁷ Авторское название Выселки соответствует дер. Ивановское. Деревня Ивановское известна с 1616 г. Деревня сгорела, и в 1795 г. упоминается как Ивановские пустоши или выселки, на которой опять стояло 7 крестьянских дворов, и входила она в матвеевскую вотчину Репниных. *Источник информации Белоруков Д. Ф. Деревни, села и города Костромского края, 2000, стр. 338*

Когда священник запел хвалу богу и все молящиеся встали на колени, кран у отца выпал из кармана и громко ударился об пол, привлекая внимание молившихся. Стоявший с отцом рядом шабер Парфен даже прикрыл рот рукой, чтобы не рассмеяться. Афанасий схватил злосчастный кран и снова впихнул его в карман. Но Парфен запомнил этот случай. Как-то рассорившись с отцом на мельнице из-за очереди, шабер упрекнул его: «Какой же ты, Афоня, сквалыга! Семью работой и голодом моришь, в будни чаем не поишь, кран от самовара носишь с собой. Как же можно так жить!?»

В глухую осеннюю полночь деревня крепко спит. Но Афанасий поднимал своих снох с первыми петухами. В тесной баньке, в пыли, в духоте, голодные снохи, кормившие грудью детей, обдывали лён. Изнемогая от усталости, недосыпания и жажды, они просили Домну принести из дому пресного молока – промочить горло. Домна приносила. Опорожненная крынка разбивалась, черепки ее прятались, чтобы не узнал хозяин и не поднял скандала.

Скопидомство Афанасия породило у его дочерей привычку – тайком ото всех продавать через соседей на базаре часть продуктов, на врученные деньги покупать белую муку, стряпать пироги и есть их «на особицу» от всей семьи.

Афанасий даже не захотел наряжать заневестившуюся старшую дочь – Матрену. Девушка ушла в монастырь. Но доля послушницы ей не понравилась и она уехала в Питер, жила в при-слугах. По привычке брать чужое, она долго не задерживалась на одном месте.

Вторая дочь Афанасия – Павлина решила иначе. Помня пословицу: «Стань овцой, волки найдутся», она отдирала от запертого отцовского шкафа доску, брала деньги. Потом незаметно вставляла доску на прежнее место. А когда отец спрашивал: «Откудова обновка?» – отвечала, что подарили родственники.

Скряжничество Афанасия уживалось с некоторыми, вроде бы положительными воззрениями. Будучи глубоким реалистом по отношению к религии, он придерживался мудрой поговорки: «На Бога надейся, а сам не плошай», нередко нарушая губительный обычай не работать в праздники. Эти нарушения не всегда сходили ему с рук. Как-то в день «Прасковья пятницы», Афанасий решил тайком на рассвете покосить росную траву в Дальних Пустошах. И надо же было в тот момент повитухе Аглае встать спозаранку и пойти поискать не вернувшуюся с вечера свою буренку. Увидев Афанасия, воровато пробиравшегося с косой к лугам, Аглая не преминула сообщить о нем соседям. Вскоре толпа деревенских жителей застигла нарушителя на месте «преступления». С насмешками и ругательствами с него стянули штаны и голыми ягодицами посадили в большой муравейник приговаривая: «Не гневи Господа Бога, ослушник окоянный!»

Высшим блаженством мой родитель почитал баню. Забравшись на полоч, он неистово хлестал себя веником, кряхтел от удовольствия. Затем выбегал голым, катался в снегу и снова забирался на полоч, охая и отдуваясь от жары. Разомлевший от пара, он приходил домой, выпивая сразу ковш квасу.

Однако и добрая баня не прибавляла щедрости в его копеечную душу. За всю свою долгую жизнь, Афанасий ни разу не порадовал свою жену хотя бы зряшной обновой. И в будни и в праздники она ходила в холстине и лаптях.

Замечая в августовском саду внуков, лакомившихся черемухой, хозяин бранил их:

«Хы, шайтаны – дураки! Цюцелы кривобокие! Вот я вас!»⁸ – и замахивался на них клюшкой. Испуганная ребятня, горохом сыпалась с черемух и спасалась кто куда. Запрещал он внукам лакомиться и яблоками, даже падалицей. Её собирали для варенья, а яблоки хозяин увозил на базар, продавая по пять копеек за куль. Редко снисходил мой родитель до ребячьих интересов, Как то возвращаясь со жнивы, он одарил внуков горохом. Развернув стручок, внучка

⁸ «Цоканье» в разговоре Афанасия, Аграфены, Домны воспринято было от матерей: приведенных из других волостей. В Матвеевской же волости господствовал «акающий» – Подмосковный говор, без «цоканья». прим. Избековой А. А.

– Марфуша вскричала: «Дедушка! – в горохе-то червяк!» «Хы, цюцело пикунное! Ни он тебя съест, а ты его съешь!» – с этими словами Афанасий взял у Мавруши стручок и съел вместе с червяком. Накопленные этим любителем копейки – 2500 рублей, в октябре 1917 года обесценились и на них можно было купить лишь коробок спичек. С горя, Афанасий чуть не повесился, тяжело заболел и месяца через два помер.

Полной противоположностью Афанасия была его жена – Аграфена – моя мать. Редкая женщина, унижаемая тогда в семье и обществе, претерпела столько невзгод, сколь выпало на её долю. При этом, она до глубокой старости сохраняла человеческое достоинство, сердечность к людям, ясный ум и проворство в делах. Она умела быть, как говорят, «И в пиру, и в миру, и в трудовом деле».

Путешествуя в монастыри для поклонения чудотворным иконам и бывая в городах, Аграфена замечала богатство и силу одних, бедность и приниженность других, считая такой порядок «от Бога».

Изумительная цепкая память матери запечатлела картины былого. Запомнился мне материнский сказ о жизни при барах и о её детстве:

«Я тогда подростком была. Как-то мы с подружкой пошли в «Троицин день, погулять в деревню Конюшино. Благодатный денек выпал: птички над полями заливаются. А в садах-то яблонный цвет и церемухи духмянят.

Пришли мы в Конюшино и диву дались. У барскова крыльца народ стоит. Все по очереди целуют руку барынье, сидевшей тут же на высоком креслице.

Хто побагатеет, те одаривали свою «благодетельницу» куском узорцова полотна, али парой куроцек. Мужики-городчики – те вручали ей платоцек шелковый, али игрушки для внуцят её.

– А вы чего, гордячки, истуканами-то стоите, не подходите к ручке нашей матушки? – окликнула нас с подружкой старостица.

– А мы вольные, а не барские, – гордо ответила я. После этого нам совсем расхотелось гулять в этой деревне и мы ушли.

А детство моё рано осиротело. После смерти родительницы, отец женился на другой, а вскоре и сам помер, угорев в жаркой бане. Молодая мачеха приняла в дом нового мужа.

С семи лет я познала крестьянскую работу с рассвета до темна. На шестнадцатом году меня стали наряжать, чтобы выдать замуж. Вскоре мое короткое девичество сменилось ненастной погодой. В один из крещенских вечеров, вместе с подружками в беседе я пела песню: «Все бы я по горенке ходила...» Девушки и парни встали в хоровод. Против меня встал только что пришедший с улицы кудрявый Никодимушка. Всегда веселый взгляд его сегодня был печален.

Улицив момент, он отвел меня в сторону и в смятении сказал:

– Эх, девонька! Веселишься ты и не ведаешь, что сейчас пропивают твою долю!

– Да неужто?! – так же шепотом спросила я, – а за ково?

– За Афоньку Житова, ответил паренек и посмотрел на меня, как на утопленницу.

«Горюшко мое! – воскликнула я и бросилась домой».

«Был бы Никодимушка старшим сыном, непременно бы сейчас посватался ко мне», – подумала я.

Подбежав к родному дому и посмотрев в краешек незамерзшего стекла, я увидела сваху – дородную соседку Увариху в цветистом сатиновом сарафане. Сердце мое дрогнуло от страха. Я вспомнила, как года три назад я избила Афоньку за то, что он крал из нашего сада малину. Мстительный мальчишка, будучи меньше меня ростом, не решался «дать сдачи» и стал пугать нашу клушку с циплятами. Пришлось пожаловаться его родным. Афоньку выпороли. С тех пор я избегала ево. А вот теперь меня сватают за этого злюку, который повыщиплит и раскосматит мою жизнь и заступы мне не найти. Родители в могиле, а родная тетка живет в дальней деревне. Но я решила сопротивляться.

– Я не хочу замуж, не пойду! – закричала я.

– Хватит душить, девка! – грозно сказал отчим, вставая из-за стола. – Не то, возьму вот вожжи, привяжу тебя к скамейке, да так распишу твою спину, что небо с овчинку покажется. – Он сел.

– Груняша! – вкрадчиво заговорила сваха, – ты пойми, что Афанасий-то Панкратьевич один паренек. Ево и в солтаты не возьмут. Будешь у Житовых сама большуха.

Я поняла, что судьба моя уже решена и зарыдав, ушла на кухню. В ту ночь мне долго не спалось. Я плакала и заснула поздно.

Через три дня после помолвки. С утра я «обряжала» скотину, а потом вместе с мачехой села на прялку, размышляя о своей загубленной доле. В кутном углу нашей курной избы стояла долбленная колода, в которой по утрам запаривали рубленную солому с мякиной. Перед колодой «завтракала» довольная и лукавая рыжуха.

Каждое утро зимой лошадь выходила из хлева, поднималась по пологому настилу в сени. Уцепив зубами дверную обшивку, она отворяла дверь в избу и тихим ржанием просила корма.

Но вот дверь отворилась. Высокий порог переступил сутулый и угрюмый жених. Заметив угрожающую морду лошади, он испугался, отпрянул, но запутавшись в новом длинном полушубке, упал. Гостинец невесте – пшеничный каравай выпал из рук жениха и покатился под ноги лошади. Я засмеялась.

Диковатый и нескладный Афонька, тоже принужденный жениться, разрыдался и хотел убежать. Но смекалистая его будущая теща успела схватить паренька за рукав, прикрикнуть на хохотавшую невесту, чтобы подняла гостинец. Хозяйка помогла гостю раздеться, угостила чаем с леденцами и морковным пирогом, а потом твердила мне – «стерпиться, слюбиться».

После горестной свадьбы с нелюбимым, неласковым мужем, для меня нацалась новая жизнь в чужой семье. К моей радости, родители мужа оказались не суровыми. Свекор пытался ободрить невестку ласковым словом. Свекровка пекла для молодоженов пироги, варила студень, отпускала нас на воскресные гулянья. Золовка Домна, несмотря на хилое здоровье, стала первой моей помощницей и советницей в делах.

Подруги мои тоже повыходили замуж и редкая из них сама выбирала себе жениха. Под венец шли по приказу родителей, проклиная потом своей невольное замужество. Через два-три года, прежде румяная и жизнерадостная девушка превращалась в увядшую печальницу, нередко уходя преждевременно в могилу от побоев мужа и других тягот.

Потому-то при выходе замуж, невестка выла, оплакивая свое девичество. Даже в такой развеселый праздник, как масленица, молодайки приезжавшие с мужьями в Выселки качаться на кацелях, запевали снацала «Девицью волю»:

*«Уж ты воля моя, дивья воля, моя дивья воля,
Да распроклятое бабье замужье, вот бабье замужье.
Да расхорошее было житье дивье, житье дивье-мое красовенье.
Ой, да ты куда воля дивья девалась?
Да на родимой стороне осталась...»*

И только после этой песни слышались веселые, но их запевали уже девушки, не вкусившие полынного замужества.

На третий год замужней жизни у меня родился первенец – Пантелей, журавлями вой весны, неторопоко тянулись только скробные годы...»

Тяжело вздохнув, Аграфена замолчала и ей вдруг представилось как погибла ее добрая свекровка, которая вечером легла спать, а утром... не проснулась. Позвали знахарку Уголиху, умевшую предсказывать на угольях. Та посмотрела на умершую и молвила: «Кажись, как живая

лежит». К лицу умершей приставили зеркало, а оно не вспотело. Перекрестившись, Уголиха изрекла: – «Преставилась, грешница, царство ей небесное. Хоронить надо Петровну».

Сенокос торопил. Пелагею схоронили на другое утро, а вечером того же дня, дьячок проходил мимо свежей могилы и услышал стон. Прочитав от дьявольского наваждения молитву: «Да воскреснет Бог...», дьячок снова услышал стоны и кинулся к попу. Но когда разрыли могилу, было уже поздно. Очнувшаяся от летаргического сна, женщина долго мучилась от удушья, рвала на себе волосы, исцарапала лицо в кровь, перевернулась на живот, да так и застыла. Прибывшие стояли в оцепенении. Затем священник строго наказал дьячку и работнику не разглашать тайны, потому как за захоронение живого человека, попа могли лишиться сана. И все же, дьячок не утерпел. Подвыпив однажды на празднике и увидев моего деда Панкрата Житова, он сообщил о страшной смерти его жены – Пелагеи.

Беда, как говорят, не ходит в одиночку. Вскоре после гибели свекровки, на побывку из города прибыл родич свекра и привез с собой заразную кожную болезнь. В крестьянских семьях тогда обычно ели все домочадцы из одной чашки, утирались одним полотенцем. Через него-то и заразилась Груня «порчей» – так называли в деревне эту болезнь.

Она догадалась о своей беде, когда на теле появились раны. Больную поместили в баню. Раз в день через банное окно золовка просовывала ей хлеб и кружку воды. Опасаясь заразы, соседи советовали Афанасию уморить или искалечить жену, чтобы потом был предлог от нее избавиться.

Когда Домна ушла в монастырь на богомолье, Груне перестали приносить еду. Суеверные соседи внушали ее семилетнему сыну: «Матка твоя поганая стала, заразит всех, если от нее не избавиться. Возьми ухват, выколи ей глаза, а то мы все от нее погибнем». «С малого и глупого какой спрос?» – думали они.

И вот мальчонка пришел в баню выполнить чудовищный наказ взрослых. Нацелив ухват на глаза матери, он стал подходить к ней и вдруг услышал тихий, жалобный голос: «Пантелеюшко, голубок мой! Не делай зла, отойди, я скоро поправлюсь и не буду никому в тягость. Принеси мне водицы испить. Нутро у меня ссохлось, да кусочек хлебца захвати».

Потрясенный скорбным видом матери, почерневшей и исхудавшей от голода, мальчик горько заплакал, опустил ухват и убежал.

Возмущенная до глубины души подлостью взрослых, больная впала в забытие. Очнулась она только вечером и увидела на подоконнике туясок с квасом, а возле – на тряпице – нарезанный пшеничный каравай, кусочек сахара, несколько печеных луковиц и тряпочка с солью, два яйца.

Позднее Груня узнала, что спасительницей ее от голодной смерти была мать Никодимушки, которого давно забрали в солдаты, где он и сгиб, сердечный. И вот теперь солдатская мать пожалела ещё более обездоленную женщину, которую когда-то мечтала видеть своей невесткой.

Никодимушкина же мать известила и Грунину тетку о болезни племянницы и та, вскоре, отвезла Груню в больницу неблизкого посада. Врачи признали болезнь запущенной, но излечимой.

Прошло много времени, но никто из Выселок не проводывал больную. О ней будто забыли. Изредка навещала только родная тетка. Груня тосковала по родной деревне, по сынишке, а время шло. И вдруг в одно воскресенье в дверях больничной палаты показался Афанасий. Не переступая порога палаты и не говоря ни слова, он увидел жену, бросил ей на кровать булку, и сразу же молча удалился. Такое «посещение» мужем жены после долгой разлуки, удивило и рассмешило всех. «Вот цюдушко-то мое, люди добрые! – горько усмехнулась Груня, – ушел, не сказавши не словечка. Цюрбан, а не человек».

И все же она поняла, что приход мужа в больницу, да ещё с подарком, говорил о перемене отношения к ней мужчиной родни к лучшему. Видимо родная тетка, да мать Никодимушки усовестили их.

Внимательное лечение и молодость самой Груни делали свое дело. Но больная наивно приписывала свое выздоровление Божьей милости. «Грунюшка! Да ты помолодела!» – воскликнула однажды соседка по койке и принесла ей осколок зеркала. Посмотрев на свое отражение, Груня повеселела. Темные волосы ее по-прежнему кудрявились над висками. На щеках появился румянец. Серые глаза ее искрились задором. Болезнь не коснулась ее лица.

«Благодарю тебя, Владычица небесная! – прошептала Груня. Теперь бы поскорее домой. Ужась как соскучилась по сынишке!»

В день выписки из больницы Груню никто не встречал и она пошла пешком. Ноги несли ее как на крыльях. С опаской встретили ее родные мужа и смирились, посмотрев больничную справку о выздоровлении.

И снова житейская мельница завертела Аграфену, свалив ее на плечи груз безотказной работницы, жены, матери. Но никто из соседей не слышал от этой женщины ни одной жалобы на тяготы бытия. Мать моя молча сопротивляясь круговерти стяжательского омута мужа. Неспетую песню своей любви в девичестве, она переключала на детей, а потом и на внуков, внушая им своими делами высокие помыслы. «Целовек живет не только для того, кабы быть сытым, – говорила Аграфена детям. – Надо, кабы люди молвили о тебе: «Он мастер и радует за ближнева»».

Уже женатым я иногда задумывался об источниках мужества матери, не отупевшей от насильного брака с человеком, окостеневшем в патриархальщине, наживе. Однажды я спросил ее об этом.

– Фимушка! Надо любить божий свет, – ответила мать. – В молодости-то я проворницей была. Одна управлялась на лугу и в поле. Помогала мне золовка, а мужики в страду были на заработках.



Приду я утром к цветастому лугу, а надо мной жаворонок заливается – тоже радуется красному солнышку, и руки мои сами косят. Жатва подойдет, опять в торопях бегу к своей полосе, а мне густая рожь кланяется в пояс, дескать «спасибо тебе за труды великие»! И опять душа моя ликует: будет семья с хлебушком! Как в речке, подернутой льдиной, внизу журчит вода, так и думка моя, – как бы дети мои и внуки прониклись бы таким неумемным, как эта вода, движением, любовью к жизни, неподвластным никакой стуже!

Не чуждалась Аграфена и мирских дел. В отсутствие мужа она посещала сходки, высказывая разумные предложения об огораживании лугов, починке дорог и т. п. В конце 80–х годов соседние деревни захотели незаконно оттянуть у Выселков Ближние пустоши. Приехавшие землемеры узнали нужду нашей деревни в лугах и предложили жителям собрать 25 рублей землемерам за труды, чтобы луга эти по-прежнему оставались за деревней.

Аграфена, имевшая к этому времени уже трех сыновей, как и некоторые многодетные семьи, настаивала собрать деньги, позаботиться о будущих детях и внуках. Однако, деревенские воротилы – Ухватовы и Клещев воспротивились сбору денег. Малоземелье жителей им было на руку, чтобы использовать труд бедноты на кабальных условиях.

Филат Клещев, сощуривав вороватые глаза, презрительно процедил в ответ на предложение Аграфены: «Зачем собирать деньги? Детки будут, так сами добудут». – Толстосумы добились незаконного отмежевания от Выселок ближних лугов.

«Пророчества» богатеев оправдалось только в первый год Советской власти и не в их пользу. А пока малоимущие вынуждены были терпеть их кабалу.

Кроме Аграфены, другим противником стяжательству Афанасия в житовской семье была его сестра Домна. С детства болезненная, она в свое время не смогла выйти замуж и занять семью. За многолетние труды в общей семье, отец ее срубил дочери келью, выделил корову, овцу, жита. Но Домна не уединилась, а продолжала разделять общий труд в семье отца.

Как белая березка среди валежника в дремучем лесу, она притягивала к себе людей своей отзывчивостью. Маленькая ростом, с болезненно-бледным лицом, она всегда защищала слабого и правого в спорах. Дети любили ее за понимание души ребенка. Плачущего она утешала сказкой: «Ты не слушай-ка, не слушай как куроцки гогоцют. А слушай-ка, слушай как телки мыщят, да собацки ворцят». Под это воркованье Домны, ребенок затихал и засыпал.

Если малыш ушибался, снова появлялась она, мазала ушиб скипидаром, приговаривая: «У сороки болит, у вороны болит, а у тебя заживет».

В молодости Домна год прожила в монастыре, в услужении одной монахини, знатной прежде в миру. Там она научилась грамоте. За усердие и недюжий ум, монахиня подарила служанке несколько «божественных» книг. Но прочитав их, Домна не стала святошей, пекущийся лишь о себе. Она поняла, что «спасение души», о котором твердит духовенство, не в отшельничестве за монастырской стеной, а в гуще мирских дел, в ежедневной помощи людям.

Вернувшись в деревню, Домна стала бескорыстно обучать подростков грамоте по псалтырю (за неимением букваря), став, таким образом, первой «учительницей» в округе, где ещё не было школы. Вдовая Агафья Тимофеевна просила образумить сына Ерошку, отбившегося от рук.

– Надо бы тебе, Агаша, приучить сына к труду с малолетства.

– Так я кажинный день заставляю помогать мне по дому, ругаю: «что ты, волчья харя, дармоедничаешь?!» А он не слушает.

– Агаша! Мне больно смотреть на твоего сына: грязный, оборванный!

– Домнушка! А где же я напасусь на ево одежи?

– Но у Феклы Растягаевой трое, а ходят в чистом, хотя и залатанном. Ты виновата, что не приучила сына к чистоте.

– Да он не слушает, когда я заставляю его вымыться!

– Как же он будет слушаться, если мать оскорбляет сына ругательной кличкой, как глупые сверстники! Посылай его ко мне учитьца. Я обучаю бесплатно, лишь бы пошло на пользу...

И вот Ерошка Тимофеев стал учиться. Лицо его и впрямь походило на собачью морду. Ноздри задирались вверх на приплюснутом носе. Уши оттопыривались, как у барбоса. Но пытливые глаза горели детским любопытством. Одет он был на этот раз уже в чистую залатанную рубаху и починенные штаны. К удивлению Домны, Ерошка за месяц одолел «аз-буки-веди»... и стал бойко складывать слоги в слова. Домна похвалила способного ученика и эта похвала оказалась куда сильнее прежней материнской ругани. Домна же познакомила потом Ерошку с сельским бондарем, а тот сказал подростку: «Вот, Ерошка! – Смотри и учись бондарному делу! Помни, что без бочек, вся выловленная рыба протухла бы. Без бочки ни капуста засолить, ни воды запасти – прямо погибель, да и только».

Ерошке понравилось бондарное ремесло, а уже через год его одолевали многие заказы. Как же, первый бондарь по деревне.



«Вот тебе и Ерошка-вошка!» – дивились соседи. Домнино наставничество многим помогло. Только родной ее брат – Афанасий не поддавался доброму влиянию сестры.

Каждую зиму ему приходилось самому ездить на Кривухинскую мельницу помолоть жито и дожидаться там своей очереди, иногда по неделе. Хозяин мельницы – Дормидон Кривухин – не поймешь: то ли мукой были обсыпаны его волосы, косматые брови и борода? То ли время его сделало седым, как лунь? Старик не был разговорчив и лишь в необходимых случаях выдавливал из себя слова, но дело свое знал. Его высокая плечистая фигура в холщевом кафтане мельтешила у поставов, а иногда появлялась и в рядом стоявшей избе, где помольцы ждали своей очереди.

Помогал мельнику его сын – Филька – здоровенный парняга.

В праздничных пьяных драках против Фильки никто устоять не мог. В мучном деле сын превзошел отца. При его дежурстве мука сыпалась ровным и мелким помолом.

Афанасий прибыл на мельницу вечером, в невезучий день-понедельник. Заняв свою очередь среди помольцев и накормив коня, он прилаживался спать в помольской избе, сняв шапку, забыв, что на лбу у него огромный синяк.

– Кто эта тебе такой «фонарь» повесил? – знающие улыбаясь спросили Афанасия, приехавший с ним вместе его сосед – Андрей Ковшов. – «Эта меня меренишко улягнул», – смущенно ответил тот, пострадавший от своей снохи.

А дело было так: ночью сноха встала к ребенку и зажгла ночник, чтобы сменить пеленки. Жалея капли керосина, Афанасий встал и с бранью загасил свет. Сноха снова зажгла, так, как в потьмах не найти пеленку. Свекр опять вскочил, хотел задуть свет и замахнулся на сноху табуреткой. Но та опередила. Схватив полено, она «засветила» Афанасию в лоб. В семье поднялся крик. Сбежались соседи, осуждая сноху, поднявшую руку на хозяина. Но никто не упрекнул его жестокость.

На мельнице сон не сразу пришел к Афанасию, он сначала мысленно подсчитывал будущие барыши от продажи продуктов, которые повезет в ближайшее воскресенье на базар. При подсчете получилась изрядная сумма. Довольный почитатель копейки, наконец заснул и... очутился на базаре. Вот и его Пеганка с санями стоит рядом, а сам он уже распродал все и только хотел сунуть за пазуху вырученную пачку денег, как к нему подбежали два разбойника и стали отнимать деньги. Афанасий, закричав благим матом: «Караул! Грабят!» – проснувшись от своего крика, вначале не мог понять где находится. Встрепенувшиеся ото сна его соседи подняли головы. Кто-то спросил: «Кого грабят?» – увидев над дверью фонарик, освещавший угол помольской избы, Афанасий вспомнил, что он на мельнице и обрадовался, что ограбили его только во сне. «Хы, попритцилось мне эта во сне, извиняйте», – виновато проговорил «потерпевший», когда на крик и шум в избу вбежал хозяйский сын.

Узнав в чем дело, Филька повернул обратно, пробурчав: «По истине, нищему кошель снится». На Филькино замечание помольцы захихикали, а потом снова улеглись. Виновник ночного переполоха, тоже укладывался уснуть, подтверждая своим поведением пословицу: «Можно спасти человека от разбойников, от тюрьмы, но нельзя спасти его самого себя».

В отсутствие хозяина наша семья блаженствовала. Старший мой брат – Пантелей вечерами уходил к своим сверстникам, а в нашу избу собирались с пряжами подруги матери: Арина Сажина, Алена Певунья и Клисфена Ковшова. У каждой из них была своя неповторимая судьба.

Самой общительной и смелой в своих суждениях была Арина. В свои 47 лет она сохранила следы былой красоты и озорной нрав, любила подшутить над мужиками. Одеждой она не выделялась, из семей среднего достатка: синий сарафан с белой рубахой, повойник, скрывающей пышные черные волосы. Смугловатое, узкое лицо с правильными чертами, твердо сжатые губы и строго-вопросительный (а не испуганный, как у многих) взгляд на собеседника, говорили о ее волевом характере.

От старых плотников я слышал какой была в девках Арина: «прилетит она бывало на гулянье, да как глянет на мужиков своими веселыми, озорными глазами, улыбнется демонской улыбкой, так и святые апостолы не устоят, станут грешниками, будут сохнуть по этой девке!»

Так это или не так, но известно мне было и другое. Арина не поддавалась ни на какие ухаживания. Более настырных толкнет этак легонько в плечо и «ухажер» кубарем летит в сторону. Буянившего под пьяную руку мужа, она запросто связывала и он отсыпался.

В семье Сажиных царил матриархат. Если почти все деревенские мужики называли своих жен «баба», «матка», то Андрей Сажин величал свою жену Ариной Гавриловной и беспрекословно исполнял ее распоряжения.

Вдову Алену никто не знал по фамилии – Корамысловой. Эта фамилия значилась лишь в списках плательщиков податей. Алену прозвали Певуньей за ее бархатный голос. Запоет она бывало на масленице песню, мужики ахают: «Дал же Господь Бог такой голос бабе. Чисто дьякон в юбке!».

Оставшаяся после смерти мужа в тридцать лет с двумя детьми, видная собой, синеглазая и русоволосая молодка не захотела вторичного замужества, несмотря на завидных мужиков.

«Думайте обо мне что хотите, а я своему Антипушке и мертвому верна буду», – говорила она сватам.

На посиделки к матери приходила и хромая Клисфена Ковшова, проводив своего буйного мужа на мельницу. Грубый и дюжий детина – Андрей Ковшов следовал дикой поговорке: «Люби жену, как душу, трясги ее как грушу». Напившись пьяным, он вымещал на жене все домашние и мирские невзгоды. На второй год женитьбы, возвращаясь на масленицу из гостей, Ковшов привязал свою молодую жену к саям, как скотину, и погнал лошадь вскачь.

Находясь на последнем месяце беременности, Клисфена пробежала немного, упала, сломала ногу и долго волочилась за саями. По прибытии домой, она родила мертвого ребенка, оставшись хромой на всю жизнь. От частых побоев мужа Клисфена преждевременно состарилась. На ее желтом, морщинистом лице, застыл вечный испуг. Густые прежде волосы, за которые муж ее привязывал к кровати и избивал, поредели и поседели.

Запуганная, забитая, она все-таки не переставала тянуться к своим подругам, питая робкую надежду избавиться от своего «мучителя».

Страстью Клисфены, в которую она выплескивала свою неуспокоенную душу, было изготовление удивительного узорчатого полотна. Ее полотно на ярмарке разбирали нарасхват. «Секреты» мастерства она вроде бы и не хранила, а вот поди ты, попытка вы ткать такое же полотно даже у такой признанной мастерицы, какой была моя мать, кончались неудачей. Полотно выходило совсем не таким, как у Клисфены. У той узоры «разговаривали», а не были «сонными».

Любил я эти зимние посиделки женщин в нашей избе. Домна ставила светац на середину избы и все усаживались вокруг. Дед Панкрат, обожавший русскую песню, слезал с полатей. Примостившись возле светца с неизменным лаптем, он басом подпевал женщинам.

И вот уже поплыл по нашей избе Аленин запев: «Снежки белые, пушистые...» Сладостно-жалостливый голос ее щемил сердце, хотелось плакать о том, что снежки белые не закрыли горя лютого одинокой женщины, бредущей по жизни без поддержки и радости. Алена вконец преображалась, когда пели про «тройку почтовую», про бедного ямщика, у которого богатый, да постылый жених отнял любимую невесту.

Раскрасневшись Алена выводила:

*«...Как только лютою зимою замерзнет матушка – река,
Доской тесовой, гробовою, закроют тело ямщика.
По мне лошадушки взгрустятся холодной матушкой – зимой.
А мне уж больше не промчатся вдоль по дорожке столбовой!».*

Мягкий и сильный голос Алены вел за собой весь «хор», выливая не выплаканную грусть и совершая чудо. Изба наша – уже казалась мне не избой, а лесной поляной, с зажжёнными по средине костром. А вокруг добрые феи и волшебник – Дед. Где-то рядом несется тройка с обездоленным ямщиком. Мне даже чудится звон колокольчика и цокот конских копыт. За стеной избы бушевала метель, а мы сидевшие у костра, как на ковре-самолете и несемся к звездам.

Натешившись песнями, женщины начинали разговоры. Арина рассказывала, как Роман Плахин – пьяный на днях избивал свою жену, и та, взывала о помощи. Но никто из соседей не хотел вмешаться, считая «ззорным» вступать в семейные дела. Только она – Арина не утерпела. Вбежала к Плахиным, связала Романа, надавав ему тумаков и пообещала: «Я тебя, ирод, ещё не так ухрястую, если ещё раз посмеешь поднять руку на жену!».

Роман ругал «гренадершу» (так звали на деревне Арину), но не мог вырваться из ее сильных рук. Молчаливая Клисфена проговорила: «Доколе же нас, бабоньки, будут увечить мужиков?! Работаем по-лошадиному, а «наградой» – побои.

– Я так понимаю, – ответила Арина на вопрос подруги, – Наши дети не будут такими извергами. При этом она выразительно посмотрела на меня и я подумал, что никогда не буду таким извергом, как Андрей Ковшов и Роман Плахин, когда стану взрослым.

Вот я и поведал вам, дорогие читатели, из каких родников начиналась моя речка. А как она текла в детстве и юности – про это вы узнаете в следующей главе.

Глава 2. Детство и юность Анфима Житова

«Добрый совет может окрылить или дать понять человеку, что ему ещё надо найти самого себя»
Русская пословица

На свет я появился в 1876 году – через год после выхода из больницы моей матери – Аграфены Житовой. Отец мой опасался, что мать, перенесшая длительную болезнь, может родить урода.

Сомнения отца рассеялись, когда он увидел крепкого, нормального ребенка.

«Хы, из камня вода потекла», – обрадовался отец и расщедрился полтинником матери на «зубок» новорожденному.

Дед Панкрат называл меня «мужичок-боровичок» за то, что я быстро рос. Черные мои волосы стали кудрявиться. Взгляд карих глаз подмечал каждый день что-нибудь новое. Слух воспринимал неведомые звуки и слова окружающего мира.

Я радовался щебету скворцов весенним утром на скворечнике березы у нашего дома, летнему, ласковому солнышку на голубом одеяле неба, шелесту желтых кленовых листьев в осеннем саду, художествам мороза зимой на оконных стеклах.

Все предметы вокруг меня я старался потрогать. Однажды, трехлетнего мать взяла меня с собой в огород рассаду. Увидев у бани крапиву, я хотел ее сорвать и от боли закричал. «Мамка, мамка! Меня травка укусила!» – Мать отвела меня от крапивы, пояснив: «Не тронь крапиву, она жжется!».

Подмечая, как в нашей семье все трудились, «зарабатывая себе на хлеб», как говаривал дед, я старался во всем подражать взрослым. Помню, как-то летом, мы с дедом пошли ломать старую баню. Сгнила, скособочилась она. Дед взял топор и лом, а я палку. Желая заслужить похвалу от деда своим усердием в работе, я забежал вперед деда и с западной стороны ударил по оконному стеклу.

Обежав баню и увидев подходившего к ней деда, я радостно сообщил, что уже сломал у бани стекло. Дед не рассердился на меня, а только заметил: «Чудак ты, Фимка! Зачем разбил стекло? Оно бы нам ещё пригодилось». – Я рассеянно хлопал глазами.

– Запомни, милоч: из старого не все плохое. Есть и хорошее и его надо оставлять людям. Ломать надо только сгнившее, негодное.

– А дверь, тоже надо ломать? – спросил я.

– Нет, – ответил дед, – дверь я перенесу в овин и она ещё послужит нам.

Дедовы наставления я запомнил на всю жизнь.

Однажды, идя со мной полем, дед обратился ко мне:

– Помни, Фимушка! Растить хлеб самое святое дело. И нет выше награды пахарю, чем урожайный колос на ниве. Топор, да соха изстари кормят наши деревни, и ты привыкай к нашему святому ремеслу. Я привыкал.



Дед сделал для меня малый верстак и такие же к нему инструменты: топорик, рубанок, пилу, молоток, долото. Дал маленькие доски, научил закреплять их на верстаке и обстругивать. Когда я по совету деда, сделал для матери маленькую скамеечку, дед погладил меня по голове жесткой ладонью и сказал: «Будешь, Фимка, мастером, будешь!» – радости моей не было границ.

В детстве мне многое казалось таинственным и даже страшным. В овин я боялся ходить один, считая, что там прячется Анчутка – злой, мохнатый человечек, о котором упоминала мне мать. Он всегда норовит напакостничать людям: влить в квасной жбан дёгтя, подложить в лапти гвоздей, вымазать лицо человека сажей.

Старший брат – Пантелей говорил мне, что под кутницей бани живут васильчики – маленькие человечки. Они боятся взрослых, а детям любят щекотать пятки. Поэтому в баню я ходил только с дедом.

Не помню, как я постигал грамоту. Моя тётя Доня шутейно замечала, будто я родился грамотным. И это наверное, потому, что я на лету усваивал славянские буквы по псалтырю. Домна же научила меня сносному счету и письму со всеми архаизмами – «ижицей» и «ять».

Десяти лет мною были прочитаны все «божественные» книги из домашней «библиотеки» тети Домны. Заметив мое пристрастие к книгам, дед Панкрат привез мне однажды с Макарьевской ярмарки сборник русских народных песен, да книги без начала и конца: про Мамаево побоище и про походы Александра Македонского. С этих книг и началась моя домашняя библиотека. Дополняли ее устные сказы деда и матери про старину. Позднее, уже взрослым, плотничая в городах, я сам стал покупать книги и привозить домой.

Запомнилось мне в детстве праздники с гармошкой, залихватской песней, и пляской подвыпивших молодцев, у качелей на улице. Но такие дни, как полет стрижа, прочеркивали свой путь. Не успеешь оглянуться, гости уезжали, наступал вечер и день затихал.

После такого суматошного дня долго не спалось. Рядом со мной на полатах похрапывал дед. А я наблюдал, как косые лучи месяца продирались в окна избы, колобродили по столу и полу, забирались к посудному шкафу. А когда я засыпал, подглядывали мои сны.

А больше выпадало «незрячих» дней. Они тихо плутали, как человек с завязанными глазами и терялись в памяти.

Мои забавы разделял соседский мальчик – неторопливый, рыжеватый Илька Ерастов. Он редко волновался, наверное потому, что в их маленькой семье всегда были мир и спокойствие. Отец Ильки уважал свою жену и советовался с ней по всем вопросам. Добродушный и заботливый семьянин – Ераст Парамонов в молодости отличился в боях под Плевной и заслужил георгиевский крест.

От своего отца Илька узнавал про походы и доблесть русских воинов, освобождавших Болгарию от турецкого ига. Этими рассказами Илька делился со мной, а я сообщал другу содержание прочитанных сказок, былинах, услышанных от деда и матери. Довольные друг другом, мы вскоре стали неразлучными друзьями до тех пор, пока Илька не обзавелся семьей. С тех пор наши с ним пути разошлись, но об этом я расскажу в следующих главах.

Мать Ильки тоже была под стать мужу. Небольшого роста, круглолицая. Румяная и полная Христина отличалась радушием к людям и проворством в делах. Она ласково привечала меня.

В отличие от Житовской, изба Ерастовых не была курной. В углу ее стояла белая русская печь. Струганный пол блестел чистотой и покрывался домоткаными половиками. У перегородки, отделявшей горницу от кухни, стоял застекленный шкаф – буфет с цветастыми чайными чашками, тарелками, блюдцами. Стены горницы украшали лубочные картины про изгнание из России Наполеоновских войск. Киот с иконами в серебряном окладе накрывался сверху полотенцем с красными петухами. На полке у стола лежали книги. Ераст знал грамоту.

В кути избы не было колодины для корма лошадей. В горнице пахло пшеничными пирогами, мясными щами и цветущей геранью.

Я завидовал Ильке. Родители не били его за проступки, добиваясь выполнения своих поручений ласковым словом. Отец же мой не любил детей. Он никогда не ласкал меня. Видя в детях тяжкую необходимость, он следовал библейскому совету воспитывать их в страхе перед родителями: «Сокрушай ребра сыну своему в юности, да будет он тебя покоить в старости».

Однажды за нечаянно разбитую чашку отец нещадно избил меня ремнем с железной пряжкой так, что я с неделю не мог сидеть. Такое несправедливое наказание отвратило меня от отца на всю жизнь, не говоря уже о его скопидомстве, державшем, как в тисках, всех домочадцев.

Любимым нашим занятием с Илькой зимой были салазки. Выехав на западную околицу деревни, мы с радостным визгом летели с горы к речке Мокрой. «Илька лису словил!» – вскричал я однажды, увидев у своего друга порванную у полушубка полу («лису»).

– Что теперь делать-то будешь? Дома-то, небось, забранят. А то и отлупить, – посочувствовал я другу.

– А я ее склею, – ответил он. – А клей-то есть у тебя? Услышав, что нет, я пообещал принести и завернул салазки домой.

– Заявился, гуляка? – приветствовал меня дед, лежавший на печи.

Ответив деду, я вытащил баночку с клеем из своего ящика, поставил на загнетку к горячим угольям, потом схватив ее и, сказав деду, что иду в сени, пустился к Ильке, которому не удалось скрыть от матери «лису».

– Я, маманя, не понарошку задел ее салазками, а она и треснула, – и Илька расплакался.

– Ну, ну, расшумаркался! Полно рефеть-то, ратось моя, – утешала сына мать, не выговаривая звонких согласных. – Мы твою «лису» шифехонько к месту пристегнем. – И Христина начала сшивать порванную полу.

В это время я и заявился к Ерастовым, удивляясь мирной беседе матери с провинившимся сыном. Меня бы за порванный полушубок отец бы мой выдрал, как сидорову козу, а здесь – наоборот сама же мать утешает сына.

– Фимушка пришел, растефайся, ратось моя! Прохоти, та садись, – приветствовала моя хозяйка.

Клей мой не понадобился и я пытался засунуть его в карман, но Христина заметила:

– Що ты тут прячешь в панке-то, Фимушка?

– Я принес Ильке клей склеить «лису», смущенно ответил я.

– Ха-ха-ха! Клупые вы мои! Клеем нелься!

Быстро зашив прореху сыновней шубенки. Христина заставила нас с Илькой вымыть руки у глиняного рукомойника. Потом посадила за стол, угостила пшеничным каравайцем, пирогом с капустой и пресным молоком.

– Тетя Хриса! Разве сегодня праздник? – удивился я.

– Еш, ешь, ратось моя! У нас и в путни такая еда.

Имея одного сына, Ерастовы не мучили себя работой. Уезжая на базар или на ярмарку, Ераст всегда привозил жене какую-либо обновку, а сыну – пряников и кренделей. За вкусным обедом здесь и застала меня моя тетя Домна. Помолвившись на образ и поздоровавшись с хозяйкой, Домка заметила:

– Не привечай кума к столу нашева-то парнишку. Вам и со своим-то хлопотно! – Но я-то знал, что тетя Доня была довольна, что меня угощали соседи.

– И-и-и, ратось моя! Не опьес нас твой Фимушка! Та и ты, ратось моя, присаживайся-ко к столу, та отведай нашей стряпни, – приглашала Домну простодушная хозяйка.

– Покорно благодарю, кума! – отказывалась та, хотя у самой засосало под ложечкой от вкусных запахов в этой избе. Но строго блюдя обычай не угощаться у соседей в будние дни, Домна заторопила меня домой, размышляя дорогой: «Вот ведь живут Ерастовы по-людски, а у нас Афонька, ставши хозяином, прижимает во всем. Позднее Домна поведала мне, как однажды от злобной зависти к достатку Ерастовых, Выселковские бабы погромили их квартиру в засушливое лето.

Порешив на сходке заказать попу молебен о дожде, женщины уже хотели разойтись по домам. Вдруг Февронья Корытова, заранее сговорившись с Феклой Растегаевой, закричала:

– Бабоньки, знаете за що осподь нас крает, доджа не дает?

– Знакомо за що, – поддержала Фекла, – за Ерастиху. Она окаянная кажинный божий день пироги, да пшеничники лопают! Вот с места мне не сойти, сама видела!

– Пойдете-ко, проверим, – разорялась Корытиха, и бабья толпа двинулась к Ерастовым. Хозяев дома не оказалось. Непрошенные гости сшибли с двери замок и ввалились в чистые сени.

– А що я вам туточку баяла! У них, у проклятых и в сенях-то пирогами пахнет! – истошно кричала Февронья.

Вломившись в опрятную горницу, украшенную картинами, красивой фарфоровой посудой и цветами, бабы, прозябавшие в душных, грязных курных избах, рассвирепели: «Иш окаянные! Как бояре живут! – кричали они. Пробравшись раньше других на кухню, многодетная, вечно голодная вдова Евлаха завопила: «От аспиды! От тоустомьясые бесстыдники! Гляньте-ко чаво оне трескают!»

Женщины двинулись на кухню, хватили с залавка пшеники, пироги Христины, выбегали на крыльцо и выбрасывали всю снедь на пыльную улицу, к радости курам и пороссятам. Вслед за съестным, озлобленные прищельцы стали доставать с полок и бить горшки. Не пощадили они и цветов, бросали их на пол и топали.

– За что это бабы разъярились на Ерастовых? – спросил я тогда Домну.

– Голубок мой! Нужда, да темнота каких грехов не творят, – ответила она, – Были бы бабы разумны и не обижены, так разве бы пошли на такое зло?

– А кто их обидел? – дознавался я и услышал невероятное:

– Обидели их злые цюдища, которые живут не только в сказках.

– А я их ни разу не видел, где они живут? Ты их видела?

– Видела. И ты видел. Это Ухватовы и Филат Клещев. Правда облицием то они на людей схожи, а повадки у них как у Змея-Горыныща.

– Значит они оборотни? Как же это так?

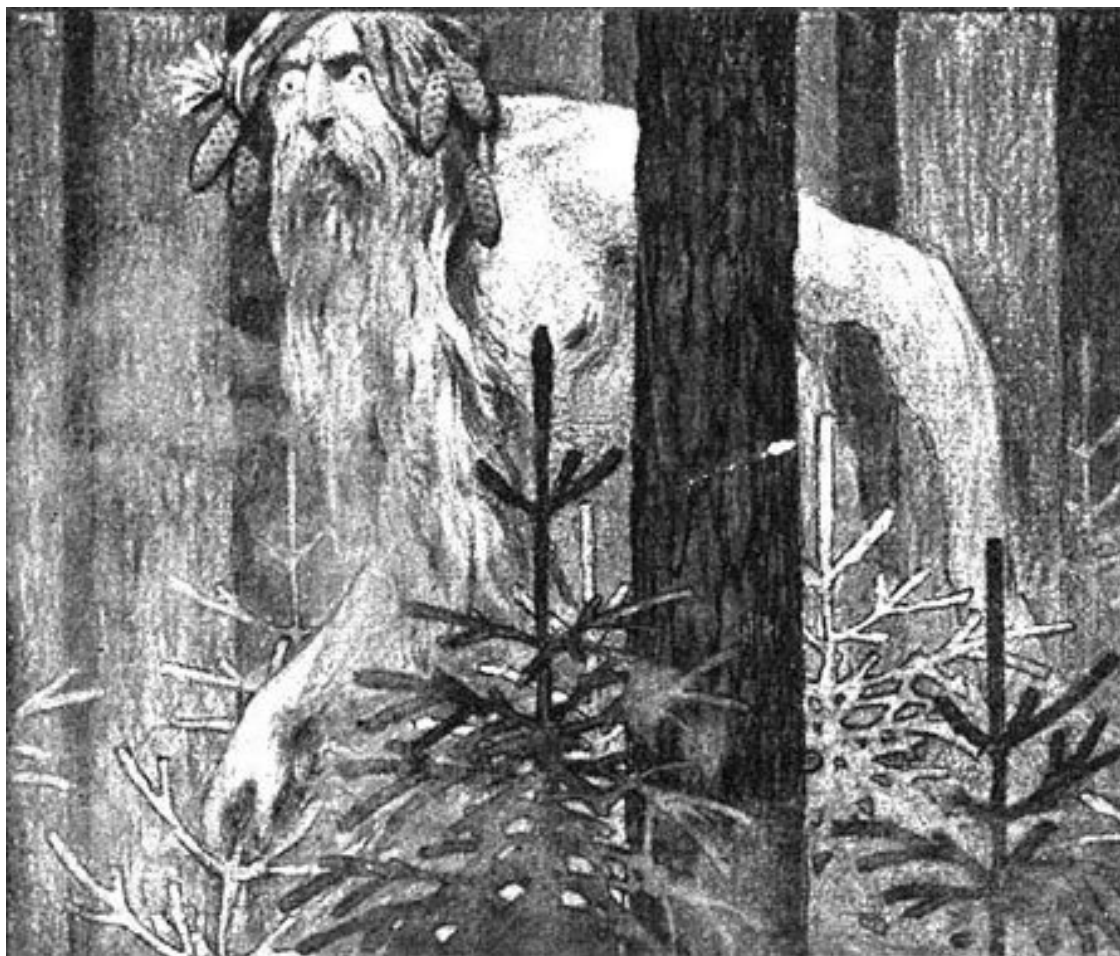
– А вот как, – отвечала на мое недоумение Домна, – Приходят например, к Клещеву али к Ухватовым кажинную весну Евлаха или Фекла Растегаева и слезно просит одолжить ей до нового урожая два пудика муки. Клещев дает муку. «Отдашь, – говорит, с урожая три пуда, да пожнешь мою рожь».

– Где же совесть у Клещева!? – возмутился я. – А у цюдищев-то ее нет, потому они и обижают бедных. А куда тем деться от нужды? Дети-то ведь есть просят? Вот и гнут бедные бабы спину над чужой рожью (своя-то осыпаетца), чтобы вдругорядь выклянчить у етова жома новую ссуду.

Я был поражен услышанным, а Домна предупредила меня:

– Только ты, Фомушка, слова-то мои при себе держи, никому не высказывай, а то накостыляют тебе Естюнька Ухватов, да Спирька Клещев.

Так от мудрой тети Дони я начинал постигать социальные контрасты деревни и негодовал на змеев-грынычей.



Ложась спать в тот день, вечером я представлял себе волосатое чудовище с головой Филата Клещева, с насупленными бровями, из-под которых никак нельзя было рассмотреть цвет его узких глаз.

Презрительная ухмылка его, как бы говорила людям: «Вот я какой богатый! А вы все – мелкота дерюжная!»

Ах, как хотелось мне запустить в эту харю кирпичом, отомстить за Евлаху и Феклу! Не ведал я тогда, что и мне придется потом работать на таких, как Клещев.

Несмотря на такие теневые стороны, родная деревня оставалась самым милым центром моего детства. Она стояла далеко от Волги, в левобережной, лесной – Парфеньевской стороне.

Справа от Выселок виднелась деревня Кроснино⁹. Поля ее от наших земель разделял широкий овраг с речкой Соной¹⁰.

К востоку от Выселок ширилось село Троицкое. С запада села красовалась каменная белая церковь. За ее чугунной оградой зеленели березки, маячили кресты могил.

Я был уже женатым, когда вблизи церкви возникло большое двухэтажное здание земской начальной школы, в которой потом учились уже мои дети и внуки.

Самым любимым местом была речка Мокрая в северо-западном поле деревни. В вешнее половодье она превращалась в реку, чтобы потом снова войти в свои берега. Искупаться в этой речке для нас – детей было высшим удовольствием.

Таинственными для меня оставались Дальние Пустоши – к западу от деревни. Они казались мне обиталищем лешего и кашеева царства. По мере того, как я подрастал, дед Панкрат раскрывал мне одну за другой лесные «тайны».

В один сенокос мы с ним сушили сено у сарая в Дальних Пустошах, я спросил деда – «почему эти луга называются Пустошами». – Пустошь – от слова – пустошить, разорять. А разоряли нашу землю многие враги. Татарские ханы пустошили Русь почти два с половиной века.

– Да, я знаю, я читал про Мамаево побоище, – не утерпел я.

– Вот, вот. И после победы над татарами, ватаги казанских татар ещё много раз набегали сюда, разбойничали, покуль Иван Грозный со своей ратью не отбил у них навсегда охоту до наших земель.

– А когда это было?

– Да почитай, уже больше трех веков минуло. Время-то ведь не стоит на месте, а идет, то белым снегом, то струиться весенним ручейком, плывет летней дождевой тучкой или облетает осенними листьями. Разоренные земли потом снова заселяли люди. В полях слышится окрик пахаря, в лугах звенели косы, в запольях мычали и блеяли стада. На прежних пепелищах возродились деревни и кочеты отмеряли своим пенем положенное время.

⁹ Авторское название деревни Кроснино соответствует деревне Панино.

¹⁰ Авторское название реки Соны соответствует реке Соег.



– А эти-то земли кто пустошил? – дознавался я.

– После татарвы, несколько десятилетий спустя – в «смутное время», на Руси стали зариться ляхские короли. Да наши мужики шибко осерчали и поколотили их отряды. Потому, как от своих-то бар у мужиков кости трещали. А тут ещё ляхские паны хотели сесть на их шею.

– Да, я слышал от матери про барщину в деревне Конюшино и как пороли жителей по приказу барыни, – добавил я.

– Так вот, ляхский-то король послал в наши земли конное войско пана Лисовского и приказал за непокорство не щадить никого. Враги вломились сюда, не щадили ни седых старцев, ни младенцев, убивали всех, а после грабежа всего имущества жителей, деревни сжигали начисто.

– А разве и на этом месте были деревни? – усомнился я.

– Были. Видишь у нашего сарая печище – остаток от печи крестьянской избы. Такие же печища у сараев Сажиных, Ерастовых и у других.

Значит здесь была деревня. В те лихие годы мужики-то уходили в Костромское ополчение оборонять Москву. Оставшиеся дома бабы и подростки тоже вступали в бой с супостатами. Верховодила у них храбрая Любава. Да ведь с косой, да с вилами не устоишь против ружейной и сабельной конницы опытных врагов. Порубали они тогда наших-то страсть сколько! А Любаву, как атаманшу, злодеи посекали саблями. Потом окровавленную, но ещё живую, привязали к столбу и сожгли. Тяжкие муки приняла Любава за родную землю, но ни разу не застонала.



Я был потрясен дедовской этой былиной.

Уже взрослым мне удалось найти о подвиге Любавы стихи местного поэта, с такими словами:

*...Лес обмер от дикого нрава,
Стонили поляна, овраг, —
Сгорала в кострище Любава,
Как русская Жанна д'Арк.
Лишь помнят то место дубравы,
Где вспыхнул кровавый тот бой.
Душа героини – Любавы
Нам светит далекой звездой...*

– А как узнали теперешние жители, что сюда приходили ляхские конники?

– Уцелевшие от гибели немногие жители этих мест изустно передавали потомкам, как разбойничали здесь нерусские паны. И еще, у деревьев, дружок мой, есть свои «календари» – годовые наросты древесины в стволах. Недавно наши мужики рубили лес в Дальних Пустошах и находили в старых соснах ввинченные кольца, оставленными ляхами для привязывания коней. Подсчитав от этих колец годовые наросты в деревьях, мужики определяли и годы наезда сюда ляхов пана Лисовского (1608–1609), опустошавших почти весь Чухломской уезд и нашу Матвеевскую волость. Владетели этих земель заселили их потом выходцами с Орловщины и Подмосковья.

Ворочая с дедом сено, я не мог оторваться от видения горящего костра у столба, к которому была привязана Любава и кровь из ее ран капала в костер.

В сенокос взрослые редко брали меня с собой в Дальние Пустоши. Чаще приходилось мне оставаться дома с сестренкой.

В знойные дни все живое в деревне хоронилось от жары в тени: куры спасались в подзаборной пыли, свиньи – подо взездами домов сонно похрюкивали в прохладе. Оставшиеся дома семи-восьмилетние «няни» с малыми детьми прятались под навесом Сажинского дома, играя в камешки. Тут же, на разостланных одеялах сидели и ползали малыши. Лежачие младенцы обретались в колясках из ивовых прутьев.

Моя сестренка – Мотя, прихворнула и я сижу дома, наблюдая из окна за игрой своих сверстниц – «нянь», которые не замечают, чем занимаются их малыши. Один из них дотянулся до земли и тянет в рот овечий помет. Другой лижет грязную щепку. Третий гложет хлебную корку и глотает сопли. Лежачие гукают, пуская пузыри. Все заняты делом.

Но вот Аниськина сестренка, набрав в рот земли, закашлялась и заплакала. Испуганные дети завопили. Наводя порядок, «няни, наскоро обтирают подопечных. Сидячим дают хлебные корки, лежащим – прокисшие соски, из коровьего соска, надетого на спиленный коровий рог или жуют черный хлеб, завертывают в тряпицу и суют в плачущие рты. Рев мало-помалу утихает. Малыши засыпают. Наступает желанный час новых забав «нянь».

В это время из-за угла дома появляется девятилетний Савка – «курицын сын», одетый в девчачьи сарафан, платок и передник. Савка – забавник. «Няни» сдержанно смеются. Довольный произведенным впечатлением, Савка улыбается не только выпуклыми серыми глазами и широким ртом, но кажется и веснушки сияют на его лице.

Шмыгнув носом, Савка деловито предлагает «няням» играть в сенокос. Только тут «няни» замечают за Савкиной спиной старый лапоть с сеном, пригнетенный гнетом-палкой. Лапотная обора (веревка) служила Савке – мерину оглоблей. По примеру Савки, две «няни» мигом раздобыли из мусорной кучи по старому лаптю. Остальные добыли косы – палки и начали «косить» траву. Одна «няня» осталась стряпать. Слепив из глины горшочек, чашку, ложки, «стряпуха» скликнула «косарей» на обед. Все сели в кружок и «хлебали» «горячие щи», отдуваясь, как положено в «самделишном» обеде. После «еды» заспорили о том, какие шишки слаще на березах у Сажинского или Житовского дома? Чтобы разрешить «спор», «няни» полезли на березы, забыв обо всем на свете. Между тем некоторые малыши проснулись. Двое годовиков выползли из колясок, другие плакали. Но «няни» ничего не слышали. Опомнились они лишь тогда, когда до них донеслись громкие восклицания вернувшейся с сенокоса Домны Житовой:

«Цюцелы крапивные! Куда ета вы залазали! Гляньте-ко на ребят-то!»

Спуская на землю, «няни, бросились к своим малышам, над которыми уже хлопотала Домна. После ее прихода, я мог пойти в огород, поесть морковки, погулять со сверстниками – Антожкой Сажиным и Савкой, заменявшими мне Ильку, уехавшему на сенокос.

Отпрыски богатеев – Естенка Уваров и Спирька Клещев, двумя годами старше меня, играли своей компанией в чижа, изредка приглашая только Савку, за его выдумки. Они полностью восприняли родительское чванство и привычку – урвать что-нибудь у слабого. Встречаясь со мной, белобрысый Спирька высматривал вороватыми глазами, чтобы выхватить из моих рук – рюшку, ягельскую дудку и кричал: «Медведь! Зачем тебе игрушки?» Следуя за Спирькой, Естенка пускал в ход кулаки. Ограбленный и избытый, я убежал домой, жаловался Домне, а она советовала избегать встречи с этими змеенышами и не обижаться на свое прозвище.

«Медведь-то самый сильный зверь, – говорила Домна, – не то, что задира-петух – Спирька или кровожадный волк – Естенка. Вот Антошка не сердится, когда ему кричат: «Антошка, Антошка, поехал за картошкой, задел за пенек, простоял весь денек!» – я смирился со своим прозвищем, оставшимся от деда Панкрата.

К вечеру наша деревня ожила. Звон колоколов возвещал возвращение стада. Впереди его шла наша житовская черная корова Лысенка, самая бодливая, которая слушалась только

пастуха – Проню. Без Прони наша деревня не была бы полноценной. Кривоногий, малорослый и корявый Проня рос сиротой. Летом он кормился по очереди у жителей деревни, а зимой жил у бабки Фетины, приютившей сироту, ради «спасения своей души». Проня очень любил животных и они его слушались. За бескорыстие, пристрастился что-либо мастерить или раздаривать, в деревне парня считали «дурачком».

Ходил Проня летом в конопляной портянине, в лаптях, да в сером армяке с оттопыренными карманами. С детства Проня баловался воруя птичьи яйца, которыми ел сырыми. Дед Панкрат урезонивал мальчика и это помогло. Ставши взрослым, пастух набивал свои карманы всякой-всячиной. Возвращаясь в деревню, он одаривал ребятшек ягельными дудками, красивыми камушками. Однажды из Прониного кармана выпрыгнула даже лягушка. Что тут было!.. Естюнька хотел было ее прихлопнуть, но Проня запретил: «Лягушка – полезная божья тварь. Она поедает вредную мошкарку, мучившую коров». – И пленницу отпустили.

Вслед за стадом, с сенокоса возвращались хозяйки, доили своих буренок, кормили малышей, топили печки, стряпали. Передохнув дома четыре часа короткой летней ночи, они снова отправлялись в Дальние Пустоши.

Деда Панкрата я долго считал волшебником. Самым удивительным для меня был поход с ним за грибами. Ну, разве не волшебник дед, когда, влюбленный в свои поля и леса, он знал все грибные места и учил меня определять их. «Запоминай, Фимка! Белые грибы хоронятся под густыми елями, во мху. Рыжики чаще забегают на полянки по молодому ельнику и сосняку, как и сопливые маслята. А грузди, да подберезовики (местное – целики) – ищи в березняке».



Дед же научил меня ориентироваться по солнцу, а в пасмурные дни – по пням и деревьям. Разве не волшебник он, когда по чириканью или свисту, узнавал какая птичка подает голос. По поведению муравьев, комаров, ласточек дед безошибочно предсказывал погоду. Однажды, в походе за грибами, я палкой разорил муравейник и тем сильно рассердил деда:

– Что это ты делаешь, разбойник?!

– Я не разбойник, а они кусаются. Вот я их и наказал.

– Ах ты балабон! Никогда не смей обижать муравьев! Ведь ты сам их обеспокоил! Они – трудяги великие, лес охраняют от всяких вредных жучков.

С тех пор я никогда не зорил муравьев. Но в очередном походе опять провинился. Сорвав ивовый прутик, я стал хлестать им придорожные кустики и цветы.

– Ты, Фимка, опять своевольничаешь! Если бы тебя этим прутиком похлестать, как ты хлещешь кустики, тебе было бы больно, и ты бы заплакал.

– Не, я бы не заплакал, и кусты не плачут, – возразил я деду.

– Но им больно, только у них языка нету и они не могут сказать тебе об этом. Никогда не хлещи кусты, без надобностей не рви цветы и не ломай деревья. Лес и все растения освежают воздух, берегут влагу на полях. Без леса трудно прожить.

– Но в деревне у нас нет леса, а мы живем, – не сдавался я.

– Как это нет леса?! А березы у каждого дома. А избы, в какой ты живешь, из чего выстроена? Лукошко твое, ступни, лапти мои – все это из леса, как и ложки, чашки осиновые, корыта, веретена, грабли, лавки, скамейки, полати, прялки, кузова и другая обиходная вещь. Лес надо беречь и охранять от пожаров, от вредных насекомых, как охраняют его муравьи и птички. Понял!

– Понял. Буду беречь лес, муравьев и птичек, – пообещал я и уже никогда больше не нарушал своего обещания.

За буднями и праздниками, в нашу семью вдруг нагрянула беда, дед Панкрат заболел, потерял аппетит, руки и ноги его усохли. На улицу он не выходил, больше лежал на полатах, а потом и вставать у него уже не стало сил. Тетя Домна кормила его с ложечки, как младенца, уговаривала есть, а он отказывался. Однажды, когда в избе никого не было, дед подозвал меня к себе и через силу заговорил:

– Слушай меня, милоч. Чую, конец мне приходит. Надо быть, зовет меня к себе Пелагеюшка. То бабка твоя. Она померла ещё до твоего рождения.

– А куда бабка тебя зовет, – обеспокоенно спросил я.

– На небеса зовет. Грехов-то у меня не так уж много.

– Дедуленька! Не уходи на небеса! – заревел я, сжимая руку старика. В груди его что-то хрипело, дед дышал тяжело, на лбу выступил пот.

– Ах ты мой мужичек-боровичек! – прошептал дед и погладил меня, как прежде, по голове. А я уже рыдал в голос и не знал, что говорю с дедом в последний раз.

– Деда! Не уходи на небеса!

– Ты не плачь. Я отжил свой век. Пришла мне пора умирать. Я свой долг выполнил.

– А кому ты был должен и сколько? – выведывал я у старого друга.

– Фимушка! Долг каждого человека – это трудиться всю жизнь и не ради своей корысти, а на благо семьи и хотя бы в малой толике – не в досаду прочим людям. Ещё каждый должен вырастить хороших детей. Об одном жалею, – не сумел отвратить своего сына от скопидомства. Ты, конечно, не будешь таким?

– Не буду скопидомом, – заверил я деда. – А змеи-горынычи умирают или нет? – Старик понял мой вопрос и чуть слышно сказал:

– Чую я, придет такое время и им укорот будет. Ты доживешь до той поры светлой, а мне горько – не дожил, умираю.

– Дедуленька! А как же я буду без тебя, – выл я громко.

– Не реви, Фимушка! Не горюй обо мне сильно. Ведь всем старикам приходится умирать. Твоя тропа только начинается. А чтоб какая беда не смахнула тебя с пути, крепче держись за добрых людей. Научись плотничать. Жену найди умницу. Обо мне изредка вспоминай, особенно, когда придешь в наш весенний сад. Там я каждую яблоньку своими руками посадил.

Дед устал и сказал мне: «А теперь ты иди погуляй, а я сосну».

Я ушел, а когда вечером вернулся домой, дед уже лежал под образами безгласный навсегда. Тело его прикрыли холстиной. На лице деда застыла печаль. «Ну, конечно же, дед печалился обо мне», – подумал я. Воздух в избе был такой спертый, что казалось, поставь ухват, и не упадет... Меня долго не могли утешить.

Деда схоронили, а я по привычке, приходя с гулянья, заглядывал на полати, чтобы поделиться с дедом радостями и новостями. Но полати были пусты и тоскливо сжималось мое сердце. Утешала меня только надежда, что наверное ангелы взяли деда на небеса. А вот когда умрет Филат, то его, наверняка, черти потащат в ад.

Отец Ильки купил сыну чудный волчок. Я тоже осмелился попросить такую игрушку у своего отца, но услышал сердитую брань:

– Хы, хайтан-дурак! Волчек ему гребтитьця! А того не ведаешь, деньги за ево нада платить, а копейки-то по дороге не воляютця!

Чтобы не разреветься от отцовской брани, я засопел и забрался на полати. Ах, как в тот момент, мне не хватало старого друга! От кручины по деду, тетя Доня отвлекала меня поняничать с сестренкой, подмести избу, отпускала погулять. Пантелей сделал мне липуньку и волчок. Мать зимними вечерами тешила меня своими былинами про муравьев, победивших медведя, пожелавшего полакомиться муравьиными яйцами.

– Как же они осилили мишку? – спросил я матери.

Они все разом облепили медведю глаза, ноздри. Медведь взвыл и убежал. И у людей так бывает: как нагрянут какие вороги, наши мирные пахари объединяютця в ватагу и одолевают разбойников.

– А у нас в деревне Спирька с Естюнькой, тоже разбойники, все задаются, что у их батек денег много. Они обижают нас, отнимают игрушки.

– Фимушка! Главное-то богатство не деньги, а дружба людей. Недаром говорят: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». На дружбе, да на согласии весь мир держитця. Иначе охотники до чужова в конец бы разорили землю.

– Значит таких, как Естюнька со Спирькой и их отцы – немного?

– Их, конечно, меньше, чем добрых людей. Ты старайся приобрести себе хороших друзей.

– А у меня Илька есть, – похвалился я.

– Илька хороший, но и других надо наживать. Вот Антошка Сажин – славный малец: по дому матери помогает, ребят любит, игрушки им мастерит. Сразу видно человеком будет. И ещё помни, сынок пословицу: «Если хочешь иметь хорошего друга, сам старайся стать лучше».

Мудрые советы деда, матери, тети Дони помогли мне идти по жизни не в одиночку. Я хотел поскорее вырасти, научиться плотничать, пойти на заработки и построить невиданный дворец.

Наконец пришло желанное время. На шестнадцатом году отец взял меня с собой в Рыбинск. Старший брат – Пантелей был уже неплохим плотником и отец советовал мне приглядываться к его работе, чтобы научиться хорошо плотничать: «Глядишь, и прибавят тебе лишнюю копейку к заработку».

Не собираясь следовать отцовскому копеечному расчету, я все же стал наблюдать за работой брата и других плотников, не вдумываясь в «секреты» мастерства до тех пор, пока не повстречал настоящего умельца – морехинского Терентия Пазова, попавшего в нашу артель. Мне довелось пойти с ним однажды на рыбинский воскресный базар.

Проходя игрушечными рядами, я остановился около матрешек.

– Смотри, дядя Терентий, какие красивые матрешки!

– Не, это мазня, – равнодушно откликнулся мой спутник.

– Но ведь краски-то яркие, – настаивал я на своем.

– Яркие-то, яркие, да жизни в этих матрешках нет. Мертвые они, ответил Терентий и повел меня в конец игрушечного ряда к древнему деду Ермолаю. Тот сидел на скромном ящике

и по детски приглядывался к нам. Перед ним на подстилке стояли, как живые, гордо-величавые матрешки. Я остолбенел. А Терентий продолжал:

– Видишь, браток, и краски как будто те же, но мастер вложил в них искру своей души и матрешки ожили.

– Да, это какое-то чудо, – удивился я и тут же, к радости продавца, купил у него одну матрешку на память. Идя с базара, Пазов продолжал разговор о мастерстве.

– Молодец Ермолай! Умеет радовать людей! А ведь и плотницкое дело души требует. Вот смотри, – указал он мне на стоявшие рядом два дома.

– Один, будто пришибленный, с несуразно-низкой крышей и такими же подслеповатыми окнами. Стоит, будто милостыню выпрашивает, а почему? Да потому, что строили его равнодушные руки.

– Я посмотрел.

– А теперь взгляни на другой дом. Заметил разницу?

– Заметил.

То-то и оно. Хоромину эту делали умные руки, любящие творить людям добро. Поэтому дом этот и выглядит веселым, словно ребенок, которого одарили калачом. Вот и ты норови сначала уяснить соразмерность во всем, а потом уже возводи дом, да так, чтобы он радовал людской глаз. Ведь нам Матвеевским плотникам надлежит не только поддерживать славу предков, а ещё и приращивать ее своей сноровкой.

– Да, ведь трудновато приращивать-то, – заметил я.

– Конечно, трудновато. Но ведь говорят, чтобы рыбку есть, надо в воду лезть.

– Твою настырность я заприметил и думаю: «Быть тебе умельцем первой руки!»

– Не знаю, смогу ли! – проямлил я.

– Сможешь. Раз интересовался всерьез. Бывает иного вьюношу считают никчемным. А он растет, встретит доброго советника, а потом вдруг как прыгнет вверх, да так, что затмит всех прежних своим умельством! И заметь, настоящий мастер никогда не довольствуется достигнутым. Кажинный раз он гоношит переплюнуть самого себя! Вот такие-то неуспокоенные души и двигают вперед всякое человежье ремесло.

Наставления Терентия Пазова стали для меня дорожными указателями и я размышлял: «Идет человек дорогами детства, потом – юности, мечтая о счастливой доле. Эта доля приходит, если он встретит на пути добрых наставников. А если не встретит, то всю жизнь будет блуждать, как в потемки, да так и не найдет самого себя.

Теперь, принимаясь за новую работу, я чувствовал себя как перед неспетой песней, которая обязательно будет спета. Я тщательно вымерял, потом чертил на бумаге план будущего здания, согласовывал его с заказчиком, сообщал плотниками все принимались за работу. Закончив постройку, я хвалил равностных трудяг. Хозяева же и подрядчики редко благодарили нас за отличную работу, считая мастерство «пустяком». Платили нам за тяжкий труд по 25–30 копеек в день.

Однажды в окрестностях Ярославля, наша артель сооружала одному дворянину особняк. Сладив фундамент и изрядно намучившись, мы присели передохнуть. Не успели вытереть пот и прикурить, как услышали гневный окрик подходившего к нам с тросточкой тучного хозяина – господина Прокудина.

– Бездельники! Хамы! Так-то вы работаете! Ни полушки не заплачу лодырям, мать вашу так...!

– Ваше высокоблагородие! – степенно сказал поднявшись старшой, – мы устали, от натуги взмокли и только что присели передохнуть.

Но этот белоручка, презирая нас, как «черную кость», продолжал нас бранить и вынудил приняться за работу. Много ещё пришлось видеть подобных этому Паскудину (так прозвали мы про себя хозяина).

А дома меня угнетало отцовское скопидомство. Став уже взрослым, я продолжал ходить в домотканой одежде и лаптях. Наконец отважился как-то попросить у отца денег на костюм и ботинки.

– Нишкни, шайтан-дурак! – ответил отец.

– Но мне в беседу ходить надо, а туда в лаптях и портянине никто не ходит, – настаивал я.

– Парень женихом стау, а выйти не в цем, – поддержала меня Домна.

– Постыдился бы людей! – разговор встряла мать, вошедшая в избу с подойником молока.

– Цево ты крицишь, батька! В деревне-то смеютця все над тобой! Одеваемся хуже нищих, срамота!

– Моуци, ера пустая! – возражал отец. И все же, дружным натиском всей семьи он был устыжон. Подойдя к заветному шкафу, отец вынул деньги и молча положил их на стол. Купленная вскоре жиниховская справа, пришлось мне впору. Домна вышила мне заранее полотняную рубашку.

Собираясь вечером на посиделки, я заглянул в всячье зеркало и не узнал себя в новом костюме и ботинках. Из зеркала на меня смотрел стройный, молодой брюнет с чуть изумленным взглядом. Недорогой костюм и ботинки придали мне нарядный и солидный вид. «Ну чем не жених»? – подумал я про себя и услышал от сидевшего неподалеку отца:

– Баской! (*Красивый – Избекова А. А.*), ницево не скажешь! Девки – будут бегать за тобой. – А сам в уме уже подсчитывал, как восполнить в ближайшую ярмарку денежный изъян сына.

Частые свары в семье заводила жена Пантелея – Акулина – редкая неумеха и ленивица, взятая из соседнего уезда. Все помыслы этой смазливой, но пустой и вздорной женщины заключались в собирании сплетен по деревне и передаче из дома в дом, да злостном измышлении на достойных людей, которым она как-то мстила за свое духовное убожество.

Чье-нибудь неосторожное слово или малая неурядица в какой семье, в передаче Акулины обрастали в снежный ком чудовищной небылицы. Злобно завидуя достатку или удаче других, эта деревенская сорока никогда не разносила добрых слухов и мнений о людях. От ее «сообщений» всегда густо пахло помоями.

Во время отлучки своего мужа на заработки, сплетница частенько погуливала с наезжавшими в деревню шерстобитами.

Мать с Домной пытались образумить разгульную молодку, да куда там. «Сколько с быком не биться, молока от него не добиться», – решили они и отступились. Глуповатый Пантелей, будучи, как говорят, «без царя в голове», подпал под влияние жены. Заработанные на стороне деньги он посылал не отцу, а жене. Первенец Пантелея и Акулины – Пахомка, лишенный материнской заботы, всецело оставался на попечении Домны. Если больная тетка не постирает ему бельишко, мальчонка бегал неделями в грязной и вшивой одежде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.